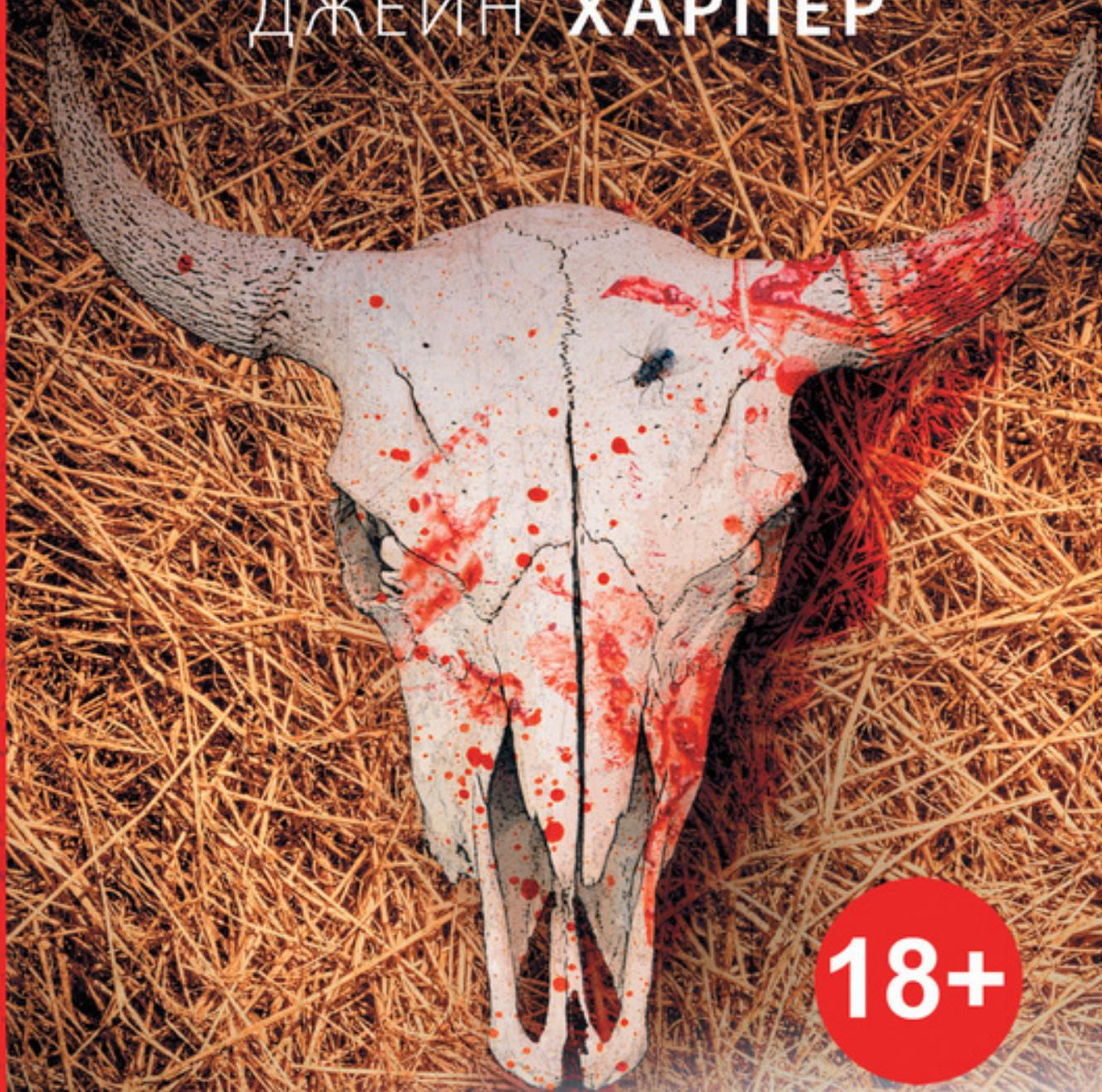

ДЖЕЙН ХАРПЕР

18+

ЗАСУХА

*Книга переведена
более чем на 20 языков*

Мастера саспенса

Джейн Харпер

Засуха

«АСТ»

2016

УДК 821.111-312.4(94)
ББК 84(8Авс)-44

Харпер Д.

Засуха / Д. Харпер — «АСТ», 2016 — (Мастера саспенса)

ISBN 978-5-17-097850-2

Австралия, фермерский городок Кайверра второй год не видел дождя. Аарон Фальк, сделавший блестящую карьеру в мельбурнской полиции, приезжает в эти измученные палящим солнцем края, где он не был двадцать лет, на похороны своего когда-то лучшего друга Люка Хэдлера. Смерть Люка нельзя назвать легкой: если верить результатам расследования, то он убил свою жену и шестилетнего сына, а потом застрелился. Но стоит ли им верить?... Фальку предстоит глубоко погрузиться в большие секреты маленького города, жители которого каждый день борются за выживание, и на своем опыте узнать, что выстоять в этой борьбе суждено не всем...

УДК 821.111-312.4(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-17-097850-2

© Харпер Д., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	18
Глава четвертая	24
Глава пятая	28
Глава шестая	32
Глава седьмая	37
Глава восьмая	42
Глава девятая	45
Глава десятая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Джейн Харпер

Засуха

Роман

Jane Harper

«The Dry»

© Jane Harper, 2016

© Ильина Е., перевод, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Моим родителям, Марку и Хелен, которые всегда мне читали

Пролог

Ферма и раньше видела смерть, а мухи дискриминации не признают. Для них нет особой разницы между тушей и трупом.

Тем летом засуха избаловала мух обилием выбора. Они разборчиво выискивали немигающие глаза и мокнувшие раны, истощенный скот Кайверры все продолжал падать под пулями фермеров. Нет дождя – нет корма. А отсутствие корма означало трудные решения, в то время как маленький городишко день за днем плавился под обжигающе-голубыми небесами.

– Погода переломится, – говорили фермеры, а месяцы, один за другим, складывались в год, а потом и во второй. Они все повторяли эти слова друг другу, вслух, как мантру. И – шепотом – про себя, как молитву.

Но синоптики Мельбурна придерживались иного мнения. Облаченные в костюмы, исполненные сочувствия, они вскользь упоминали о засухе, стоя в кондиционированной студии часов около шести вечера. Худшие погодные условия за сто лет. Подтверждено официально. У погодных условий было имя, которое до сих пор не совсем было понятно, как произносить. Эль Ниньо.

По крайней мере, мухи были довольны. Хотя сегодняшние их находки были необычны. Не такие крупные, и с гладкостью плоти. Да какая разница. В главном различий не было. Пустые глаза. Влажные раны.

Самым свежим был труп на поляне. Мухам потребовалось чуть больше времени, чтобы отыскать те два, что были внутри дома, хотя дверь была гостеприимно распахнута. Те, что отправились на разведку вглубь дома, миновав угощение в прихожей, были вознаграждены, обнаружив еще одно в спальне. Это, второе, было не таким крупным, но зато и конкуренции было поменьше.

Явившись первыми, довольные мухи роились на жаре, а кровь разливалась, застывая черными лужами на плитке и на ковре. Снаружи, под палящими лучами солнца, на сушилке-вертушке неподвижно висело белье, сухое и твердое, как кость. Брошенный детский самокат валялся на выложенной камнями дорожке. В радиусе километра от фермы билось всего одно человеческое сердце.

Поэтому никто не отозвался, когда в глубине дома начал плакать младенец.

Глава первая

Даже тем, чья тень не падала на порог церкви от одного Рождества до другого, было ясно: мест, чтобы всем рассестись, на этой панихиде не хватит. У входа уже образовалась небольшая черно-серая пробка, когда Аарон Фальк подъехал в облаке пыли и осыпавшихся листьев.

Собравшиеся соседи теснились на крыльце, стараясь незаметно оттереть друг друга локтями; образовав воронку, толпа постепенно всасывалась в церковь. Напротив, через дорогу, роились репортеры.

Фальк припарковал свой седан рядом с чьим-то пикапом, тоже выдавшим виды, и заглушил мотор. Подребезжав напоследок, кондиционер умолк, и салон немедленно начал нагреваться. Фальк позволил себе лишнюю секунду, чтобы оглядеть толпу, хотя на самом деле времени у него не было. Он еле тащился от самого Мельбурна, умудрившись растянуть пятичасовую поездку до шести часов с небольшим. Довольный, что не заметил ни единого знакомого лица, он выбрался из машины. Предвечерняя жара обернулась вокруг него, как душное одеяло. Рывком отворив заднюю дверь и попутно обжегшись, он достал из машины пиджак. Поколебавшись, прихватил с заднего сиденья и шляпу. Широкополая коричневая шляпа совсем не сочеталась с его черным костюмом. Но, будучи обладателем синевато-белой кожи цвета снятого молока, которая на шесть месяцев в году покрывалась канцерогенного вида веснушками, Фальк был внутренне готов к последствиям нарушения дресс-кода.

Ему, бледному с рождения, с короткой щетиной светлых, почти белых волос и невидимыми ресницами, часто казалось, что вот уже тридцать шесть лет австралийское солнце пытается что-то до него донести. Послание это проще было игнорировать среди длинных теней Мельбурна, чем в Кайверре, где тень была преходящей роскошью.

Фальк быстро глянул на дорогу, ведущую обратно из города, потом – на часы. Панихида, поминки, одна ночь – и его здесь нет. Восемнадцать часов, подсчитал он. Не больше. Ухватившись за эту мысль, он двинулся к толпе у входа, придерживая одной рукой шляпу: внезапный порыв горячего ветра заставил плясать подошлы.

Внутри церковь оказалась даже меньше, чем ему помнилось. Стиснутый плечами незнакомых ему людей, Фальк позволил течению отнести себя вглубь. Он приметил свободное местечко у стены и устремился к нему, втиснувшись рядом с фермером в туго обтягивающей живот рубашке. Тот кивнул ему, а потом вновь уставился прямо перед собой. Рукава у него замялись в локтях: их явно недавно подворачивали.

Фальк снял шляпу и начал потихоньку обмахиваться. Не удержавшись, огляделся по сторонам. Лица, которые поначалу казались незнакомыми, вдруг словно попали в фокус, и он ощутил – вопреки всякой логике – порыв удивления, натываясь взглядом на морщинки, седые пряди и лишние килограммы.

Мужчина постарше, сидевший двумя рядами ближе к выходу, поймал взгляд Фалька, кивнул, и они обменялись печальными улыбками. Как же его звали? Фальк попытался вспомнить. Сосредоточиться никак не удавалось. Вроде учитель. Фальку почти удавалось представить его себе у доски, перед классом, как он бодро пытается вселить в скучающих тинейджеров интерес к географии, или к поделкам из дерева, или к чему там еще. Но воспоминание продолжало ускользать.

Мужчина кивнул на скамью рядом, давая понять, что мог бы подвинуться, но Фальк вежливо покачал головой и опять отвернулся. Он старался избегать вежливых разговоров даже в самой располагающей обстановке. А эту обстановку назвать располагающей было трудно.

Господи, каким же маленьким был тот гробик в середине. То, что он стоял между двумя гробами обычного размера, только ухудшало дело. Если это дело вообще можно было ухудшить. Детишки помладше, с аккуратно зализанными волосами, теребили взрослых: «Смотри, пап, тот ящик, там цвета нашей команды». Ребята постарше, которые уже понимали, что находится внутри, просто смотрели на гроб в испуганном молчании, ерзая в душной школьной форме, и то и дело придвигались поближе к матерям.

С увеличенной фотографии над гробами глядела вниз, на собравшихся, семья из четырех человек. Чересчур широкие улыбки дробились на пиксели. Снимок был знаком Фальку по новостям. Журналисты им пользовались постоянно.

Под фотографией живыми цветами были выложены имена погибших. *Люк. Карен. Билли.*

Фальк посмотрел на портрет Люка. В густых черных волосах проглядывала непривычная полоска проседи, и все же он выглядел лучше, чем большинство мужчин по ту сторону тридцати пяти. На вид он был старше, чем помнилось Фальку, но все-таки пять лет прошло. Уверенная ухмылка осталась неизменной, равно как и знающий взгляд. «Прекрасно сохранился», – вот что первым делом приходило на ум. Три гроба утверждали обратное.

– Кошмарная трагедия, – прозвучал голос соседа-фермера. Словно ниоткуда. Руки скрещены на груди, кулаки крепко зажаты под мышками.

– Да, – сказал Фальк.

– Вы их хорошо знали?

– Не особенно. Только Люка... – на одно головокружительное мгновение Фальк заколебался, не зная, какое определение дать человеку, лежащему в самом большом из гробов. Лихорадочно шаря в уме, он наткнулся только на расхожие газетные клише. – ...Отца, – закончил он, наконец. – Мы с ним раньше дружили, когда были помоложе.

– Ну да. Мне известно, кто такой Люк Хэдлер. Думаю, теперь это каждому известно. Вы ведь все еще здесь живете, в округе? – Фермер чуть развернулся к Фальку всем своим крупным телом и впервые поглядел на него как следует.

– Нет. И давно уже.

– Н-да. Но такое ощущение, что я вас уже где-то видел. – Фермер нахмурился, пытаясь определить, кто перед ним такой. – Эй, вы ведь не один из этих сволочных журналистов?

– Нет. Я полицейский. В Мельбурне.

– Да ну? Устроили там правительству расследование, что они тут так все запустили. – Он кивнул в сторону гробов, где лежали тела Люка, его жены и шестилетнего сына. – Мы тут пытаемся страну прокормить, худшая погода за сто лет, а они все тряндят, что субсидии необходимо урезать. Как-то даже трудно винить несчастного ублюдка. Это е...

Тут он прервался. Оглядел церковь и продолжил:

– Долбаный стыд, вот что это такое.

Фальк ничего не сказал, и оба они принялись молча размышлять над некомпетентностью Канберры. Газетчики уже успели хорошенько потоптаться по всем возможным виновникам гибели семьи Хэдлеров.

– Вы, значит, расследовать сюда приехали? – Фермер кивнул в сторону гробов.

– Нет. Я здесь только в качестве друга, – ответил Фальк. – Не уверен, что тут осталось чего расследовать.

Он слышал ровно столько же, сколько и все остальные, – из новостей. Но, судя по комментариям журналистов, дело было предельно простым. Ружье, из которого были сделаны выстрелы, принадлежало Люку. То самое ружье, которое нашли на его теле засунутым в рот – точнее, в то, что от него осталось.

– Ну да. Наверное, – сказал фермер. – Я просто подумал, он твой друг и все такое.

– В любом случае я не по этой части работаю. Федеральная служба. Подразделение финансовой разведки.

– Это мне мало что говорит, дружище.

– Это просто значит, что я выслеживаю бабки. Все, что заканчивается на несколько нулей, если оно оказалось не там, где должно быть. Растраты, отмывание денег, все такое.

Фермер сказал что-то в ответ, но Фальк его не расслышал. Его взгляд скользнул мимо трех гробов на тех, кто сидел на передней скамье. Места для родных. Чтобы они могли сидеть впереди всех своих друзей и соседей, а те, в свою очередь, могли пялиться им в затылки и благодарить Господа, что сидят там, где сидят.

Двадцать лет прошло, и все же отца Люка Фальк узнал с первого взгляда. Лицо у Джерри Хэдлера было серое. Глаза будто утонули в глазницах. Он, как и полагается, сидел на передней скамье, но глядел при этом назад. Не на всхлипывающую рядом жену, не на три деревянных ящика, в которых лежали останки его сына, невестки и внука. Обернувшись, он смотрел прямо на Фалька.

Откуда-то сзади, из динамиков, донеслось несколько музыкальных нот. Начало службы. Джерри еле заметно кивнул, и Фальк бессознательно сунул руку в карман. Нащупал письмо, которое легло к нему на стол два дня назад. Восемь слов от Джерри Хэдлера, выведенных тяжелой рукой:

Люк солгал. Ты солгал. Будь на поминках.

Фальк первым отвел глаза.

Смотреть на фотографии было трудно. Одна за другой они всплывали на экране в беспощадном слайд-шоу. Люк – торжествующий юный футболист; ему нет еще десяти. Маленькая Карен прыгает через изгородь на пони. В их замороженных улыбках было что-то гротескное, и Фальк заметил, что не он один отводит глаза.

На экране возник новый снимок, и Фальк с удивлением узнал себя. Его собственное одиннадцатилетнее лицо, слегка не в фокусе, глядело с экрана. Они с Люком бок о бок, с голыми торсами, рты раскрыты, – гордо демонстрируют рыбешку, болтающуюся на леске. Они явно очень довольны. Фальк попытался вспомнить, когда был сделан этот снимок. У него не получилось.

Слайд-шоу продолжалось. Фотографии Люка, потом Карен, оба улыбаются так, будто не прекратят никогда, а потом опять Фальк. В этот раз ему показалось, будто из груди разом выпустили весь воздух. По толпе пробежал шепоток, и стало понятно, что этот снимок задел за живое не его одного.

Он сам, в более молодом варианте, стоит рядом с Люком; длинные руки, длинные ноги, россыпь прыщей. Опять улыбки, но в этот раз их четверо. Рука Люка небрежно обвивает подмышку тонкую талию юной ослепительной блондинки. Рука Фалька нерешительно замерла над плечами второй девушки, с длинными черными волосами и темными глазами.

Фальк просто поверить не мог, что эту фотографию продемонстрировали вместе с остальными. Он бросил взгляд на Джерри Хэдлера, но тот с решительным видом глядел прямо перед собой. Фальк почувствовал, как фермер, стоявший рядом, пошевелился и отступил на точно рассчитанные полшага. Вот до него и дошло, подумал Фальк.

Он вынудил себя вновь взглянуть на фотографию. На четверку. На девушку, стоящую рядом с ним. Он смотрел в эти глаза, пока они не исчезли с экрана. Как был сделан этот снимок, Фальк помнил. Однажды днем, ближе к вечеру, в конце долгого жаркого лета. Это был хороший день. И это была одна из последних фотографий, где они были вместе, все четвером. Два месяца спустя темноволосой девушки не стало.

Люк солгал. Ты солгал.

Целую минуту Фальк пялился в пол. Когда он поднял глаза, время уже опять потекло дальше, и Люк с Карен формально улыбались со свадебной фотографии. Фальк был приглашен. Он уже и не помнил, под каким именно предлогом отказался приехать. Почти наверняка – работа.

Пошли первые фотографии Билли. Краснолицый младенец, растрепанный мальчонка постарше. Уже немного похож на папу. Стоит в шортиках у наряженной елки. Все трое наряжены монстрами, краска идет трещинками вокруг улыбок. Еще несколько лет прокручено вперед, и вот уже Карен, постарше, баюкает у груди новорожденного.

Шарлот. Та, кому повезло. Чье имя не стали выкладывать цветами. Как по заказу, Шарлот, которой было теперь тринадцать месяцев, начала орать на своем законном месте на передней скамье, на коленях у бабушки. Одной рукой Барб Хэдлер теснее прижала девочку к груди и начала нервно ее укачивать. Другой рукой она прижимала к лицу бумажную салфетку.

Фальку, который не был экспертом по младенцам, трудно было сказать, узнала ли Шарлот на фотографии свою мать. Или, может, ее просто взбесило, что приходится принимать участие в панихиде, хотя сама она была очень даже жива. Она к этому привыкнет, – понял он. Выбора у нее особого не было. Ребенку, к которому навечно приклеен ярлык «единственная уцелевшая», спрятаться негде.

Музыка медленно умолкла, и последние фотографии появлялись на экране в неловком молчании. Все явно испытали облегчение, когда кто-то зажег свет. Пока священник, у которого были проблемы с весом, преодолевал две ступеньки, ведущие на кафедру, Фальк опять уперся взглядом в эти кошмарные гробы. Он думал о темноглазой девушке, о лжи, придуманной и заученной двадцать лет назад, когда в крови бурлили страх и подростковые гормоны.

Люк солгал. Ты солгал.

Насколько коротка была дорожка, ведущая от того решения к этому моменту? Вопрос этот зудел и ныл, как синяк.

Сидевшей впереди женщине в годах уже, видимо, было неважно смотреть вперед, и ее блуждающий взгляд упал на Фалька. Знакомы они явно не были, но она автоматически кивнула ему с печальным видом. Фальк отвел взгляд. Когда он опять поднял глаза, она все еще смотрела прямо на него. Внезапно нахмурившись, она повернулась к соседке, тоже пожилой даме. Фальку не нужно было уметь читать по губам, чтобы понять, о чем они шепчутся.

Фальков парень вернулся.

Вторая женщина стрельнула взглядом по его лицу и немедленно отвела взгляд. Еле заметным кивком подтвердила подозрения подруги. Наклонилась к соседке с другой стороны, что-то прошептала. У Фалька в груди начала оседать неуютная тяжесть. Он посмотрел на часы. Семнадцать часов. И он отсюда уедет. Опять. Слава тебе, господи.

Глава вторая

– Аарон Фальк, только попробуй свалить, черт тебя подери.

Фальк стоял у машины, борясь с искушением запрыгнуть внутрь и уехать. Большинство присутствующих уже отправились пешком туда, где должны были состояться поминки, – идти было недалеко. Фальк обернулся на голос и, вопреки всему, не смог сдержать улыбку.

– Гретчен, – произнес он, а она обняла его, прижавшись лбом к плечу. Он положил подбородок ей на макушку, и они стояли так долгую минуту, покачиваясь взад-вперед.

– Господи, как я рада тебя здесь видеть, – сказала она ему в рубашку приглушенным голосом.

– Как ты? – спросил он, когда она отодвинулась. Гретчен Сконер, пожав плечами, стянула с носа дешевые солнцезащитные очки и взглянула на него покрасневшими глазами.

– Так себе. На самом деле скорее плохо. А ты?

– Да все так же.

– Выглядишь ты уж точно так же. Все косишь под альбиноса, смотрю.

– Ты тоже не слишком переменялась.

Она фыркнула, но ее улыбка стала шире:

– За двадцать-то лет? Да ладно тебе.

Фальк не слишком-то и льстил. Гретчен все еще легко было бы узнать по тому снимку с четверкой подростков, что промелькнул в слайд-шоу во время службы.

Талия, которую обвивала на фотографии рука Люка, стала не такой хрупкой, и волосы ей теперь, наверное, приходилось красить. Но высокие скулы и синие глаза принадлежали все той же Гретчен. Брюки и блузка формального покроя были на тон светлее, чем надо бы для поминок, и ей в этом костюме явно было неловко. Фальк мельком подумал, одолжила ли она эти вещи или просто редко их носила.

Гретчен разглядывала его не менее пристально, и, когда их глаза встретились, она расмеялась. И мигом помолодела.

– Пошли, – она взяла его под локоть. Прохладное прикосновение ладони. – Поминки в общинном центре. Вместе мы справимся.

Они направились вперед по дорожке, и Гретчен окликнула на ходу мальчишку, который тыкал во что-то палкой. Тот поднял взгляд и неохотно оторвался от своего занятия. Гретчен протянула ему руку, но ребенок потряс головой и побежал вперед, размахивая палкой, будто мечом.

– Мой сын, Лэчи, – сказала Гретчен, глянув искоса на Фалька.

– Да. Ну конечно. – Фальку потребовалось мгновение, чтобы вспомнить: девушка, которую он знал, теперь была матерью. – Слышал, что у тебя родился ребенок.

– От кого слышал? От Люка?

– Должно быть, от него. Но уже довольно давно. Что довольно очевидно. Сколько ему сейчас?

– Всего пять, но половину времени он уже заводила.

Они молча смотрели, как Лэчи тычет своим мечом в невидимых врагов. У мальчика были широко расставленные глаза и выющиеся волосы неопределенного темного цвета, но особого сходства с Гретчен в его довольно резких чертах Фальку разобрать не удалось. Он постарался вспомнить, упоминал ли Люк что-нибудь об отношениях Гретчен или о том, кто был отцом мальчика. Вроде бы нет. Ему хотелось думать, что уж это-то он бы запомнил. Фальк глянул на левую руку Гретчен. Кольца не было, но в нынешние времена это еще ничего не означало.

– Ну и как тебе семейная жизнь? – спросил он наконец, надеясь хоть что-то выяснить.
– Да нормально. С Лэчи иногда хватается хлопот, конечно, – тихо ответила Гретчен. – И мы с ним только вдвоем. Но он хороший парнишка. И мы справляемся. Пока, по крайней мере.

– Твои родители до сих пор на ферме?

Она потрясла головой.

– Господи, нет! Они решили уйти на покой, продали все еще восемь лет назад. Переехали в Сидней, купили крошечную квартирку за три квартала от сестры с детишками. – Она пожала плечами. – Говорят, им нравится. Городская жизнь. Папа на пилатес записался.

Фальк не смог удержаться от улыбки при мысли о суровом мистере Сконере. Как он пытается сосредоточиться на внутреннем «я», проделывая при этом дыхательные упражнения.

– И у тебя никогда не было соблазна последовать за ними.

Она сухо рассмеялась, обвела рукой дорожку под сенью иссохших деревьев:

– И бросить все это? Нет. Я слишком долго здесь жила, это уже в крови. Ну, ты знаешь, как это бывает. – Прикусив язык, она быстро глянула на него. – Или, может, не знаешь. Прости.

Фальк только отмахнулся.

– И чем же ты теперь занимаешься?

– Фермерствую, конечно. Ну, по крайней мере, пытаюсь. Пару лет назад купила местечко у Келлерманов. Овцы.

– Правда? – Это произвело на него впечатление. Ферма, о которой она говорила, считалась лакомым куском. По крайней мере, так обстояли дела в его юности.

– А ты? – спросила она. – Слышала, в полицию пошел?

– Ну да. Так и есть. На федеральную службу. И я все еще там.

Некоторое время они продолжали идти молча. С деревьев над их головами доносилось исступленное птичье чириканье. В точности как он помнил. Группки людей в черном казались кляксами на фоне пыльной дороги.

– Как тут вообще идут дела? – спросил он.

– Ужасно. – Это прозвучало, будто окончательный вердикт. Пауза. Гретчен постучала по губам нервным движением бывшего курильщика. – Уж казалось бы, хуже некуда. Все трясется из-за денег и из-за засухи. Потом произошло вот это с Люком и его семьей, и это так плохо, Аарон. Так плохо. Это в воздухе висит. Все мы тут ходим, как зомби. Никто не знает, что делать, что говорить. Следим друг за другом. Пытаемся сообразить, кто сломается следующим.

– Господи.

– Да. Ты себе даже не представляешь.

– Вы с Люком все еще близко общались?

Гретчен помедлила с ответом. Сжала губы.

– Нет. Много лет уже. Не так, как когда мы были все вчетвером.

Фальк вернулся мыслями к фотографии. Люк, Гретчен, он сам. И Элли Дикон, с ее длинными черными волосами. Как же они дружили. Тесно, как бывает только в те годы, когда веришь, что друзья даны тебе судьбой и ничто никогда вас не разлучит.

Ты солгал. Люк солгал.

– Но вы-то с ним оставались на связи? – спросила Гретчен.

– То да, то нет. – Это, по крайней мере, было правдой. – Встречались время от времени за пивом, когда он бывал в Мельбурне, ну, в этом роде. Времени свободного становилось все меньше, понимаешь? У него семья, у меня – работа.

– Да все в порядке, тебе не нужно оправдываться. Мы все тут чувствуем себя виноватыми.

Общинный центр был полон народу. На крыльце Фальк замешкался, и Гретчен потянула его за руку.

– Ладно тебе, все будет в порядке. Большинство тут тебя даже не вспомнит.

– Тех, кто вспомнит, будет достаточно. Особенно после той фотографии в церкви.

Гретчен сочувственно поморщилась.

– Да, понимаю. Я тоже была в шоке. Но, слушай, людям тут и так есть о чем побеспокоиться, кроме тебя. Просто не высовывайся. Выйдем через заднюю дверь.

Не дожидаясь ответа, она подхватила Фалька за рукав одной рукой, сына – другой и повела внутрь, с легкостью лавируя в толпе. В помещении стояла страшная духота. Кондиционер центра старался изо всех сил, но эта битва была проиграна заранее. Все больше народу искало пристанище в тени, под крышей. Люди с серьезным видом переходили от группки к группке, держа на весу пластиковые стаканчики и тарелки с шоколадным риппл-кейком¹.

Гретчен пробиралась через толпу, прокладывая им дорогу к французским дверям, через которые настигнутая клаустрофобией толпа выплескивалась на выдавшие виды детскую площадку. У изгороди им удалось найти клочок тени, а Лэчи побежал попытать удачи на раскаленной горке.

– Тебе не нужно стоять рядом со мной, если это может опорочить твое честное имя, – сказал Фальк, поглубже надвинув шляпу на лоб, чтобы прикрыть лицо.

– Ой, да ладно тебе. Тем более, у меня это и у самой прекрасно получается.

Фальк обвел площадку взглядом, заметив пожилую пару, которая, как ему показалось, могла быть когда-то друзьями отца. Они беседовали с молодым офицером полиции, который, облаченный в полную форму и сапоги, потел под обжигающими лучами солнца. Они с Фальком обменялись вежливым кивком, и его потный лоб блеснул на солнце.

– Эй, – сказал Фальк. – Уж не он ли заменил Барбериса?

Гретчен проследила за его взглядом.

– Ага. Ты слышал о Барберисе?

– Конечно. Очень грустно. Помнишь, как он нас до смерти запугивал историями про детей, которые баловались с уборочной техникой?

– Да уж. Этот его сердечный приступ мог случиться еще двадцать лет назад.

– И все же. Какая жалость, – искренне сказал Фальк. – Так кто этот новый парень?

– Сержант Рако, и если тебе показалось, что он не в своей тарелке, – это потому, что так оно и есть.

– Что, так плох? Мне показалось, он неплохо ладит с людьми.

– Да на самом деле я не знаю. Он здесь и пяти минут не пробыл, когда это все случилось.

– Врагу бы не пожелал оказаться в подобной ситуации в свои первые пять минут.

Ответ Гретчен прервало внезапное оживление у французских дверей. Толпа уважительно расступилась, что бы пропустить Барб и Джерри Хэдлеров, которые только что выбрались наружу, моргая от солнечного света. Крепко держась за руки, они переходили от одной группки к другой. Пара слов, объятия, стоический кивок, следующий.

– Ты когда с ними в последний раз разговаривал? – прошептала Гретчен.

¹ Риппл-кейк – традиционный австралийский торт с очень простым рецептом. Существует, конечно, множество вариантов, но в основе это шоколадное печенье, сложенное стопочкой и промазанное (и обмазанное) сливочным кремом. На срезе получаются симпатичные полоски, или «рябь» – ripple. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Двадцать лет назад, не считая прошлой недели, – ответил Фальк. Он ждал. Когда Джерри их заметил, он был все еще на той стороне площадки. Бесцеремонно высвободившись из объятий какой-то полной дамы, он оставил ее с распростертыми в воздухе руками.

Будь на панихиде.

Вот Фальк и здесь, как ему и было сказано. И теперь он смотрел, как отец Люка направляется напрямик к нему.

Гретчен среагировала первой, перехватив Джерри с объятиями. Их с Фальком глаза встретились над ее плечом; зрачки у Джерри были огромные, глаза блестели. Фальк мельком задумался, не принял ли он что-то, чтобы выдержать этот день. Когда Гретчен его отпустила, Джерри протянул Фальку руку, крепко сжав его ладонь горячими пальцами.

– Значит, все-таки добрался, – сказал он нейтральным тоном; Гретчен рядом переминалась с ноги на ногу.

– Добрался, – ответил Фальк. – Я получил твое письмо.

Джерри продолжал глядеть ему прямо в глаза.

– Верно. Что ж, я подумал – важно, чтобы ты был здесь. Ради Люка. И я не был уверен, что ты сюда выберешься, приятель².

Последняя фраза тяжело повисла в воздухе.

– Как же иначе, Джерри, – Фальк кивнул. – Это важно – быть здесь.

Сомнения Джерри имели под собой почву. Недели раньше Фальк сидел за рабочим столом, молча уставившись на фотографию Люка в газете, когда зазвонил телефон. Прерывающимся голосом, который Фальк не слышал уже двадцать лет, Джерри сказал ему, когда и где состоится поминальная служба. «Там и увидимся», – сказал он безо всякой вопросительной интонации. Старательно избегая взглядом пикселей, из которых складывались глаза Люка, Фальк промямлил что-то о загруженности на работе. Через два дня пришло письмо. Джерри, должно быть, отправил его, как только повесил трубку.

Ты солгал. Будь на поминках.

Той ночью Фальку не спалось.

Они оба неловко покосились на Гретчен. Та, нахмурившись, смотрела на «паутинку», по которой не слишком уверенно карабкался ее сын.

– Ты в городе на ночь остановился, – сказал Джерри. Вопросительная интонация опять отсутствует, отметил про себя Фальк.

– Над пабом.

Над детской площадкой повис вопль, и Гретчен досадливо фыркнула.

– Черт. Так я и знала, что к этому идет. Простите. – И она убежала. Джерри схватил Фалька за локоть и развернул прочь от толпы. Руки у него тряслись.

– Нам надо поговорить. До того, как она вернется.

Фальк высвободил руку точным, незаметным движением, постоянно ощущая спиной толпу. Не зная, кто здесь и кто смотрит.

– Бога ради, Джерри, да что тебе нужно? – Он вынудил себя принять, как он надеялся, более расслабленную позу. – Если это какой-то шантаж, то сразу могу тебе сказать, что это не прокатит.

– Что? Господи, Аарон. Нет. Ничего подобного. – Джерри явно был шокирован. – Если бы я хотел заварить кашу, я бы сделал это еще годы назад, разве нет? Да я рад был оставить эту историю в покое. Господи, я был бы счастлив! Но теперь – как я могу? С этим? Карен и Билли мертвы, а ему еще даже семи не было.

² Приятель (австралийское mate) – типичное австралийское словечко, обращение к мужчине. Что-то вроде «приятель» или «дружище». Заметим, что бармен-шотландец обращается к остальным совершенно по-другому.

На этом голос у него прервался.

– Слушай, ты уж прости насчет письма, но мне нужно было, чтобы ты приехал. Я должен знать.

– Что знать?

В ослепительном солнечном свете глаза Джерри казались почти черными.

– Убивал ли Люк до этого.

Фальк погрузился в молчание. Он не спросил у Джерри, что тот имел в виду.

– Знаешь... – Джерри осекся, увидев, что к ним направляется официального вида дама. Та сообщила, что священнику нужно поговорить с Джерри. Если возможно, прямо сейчас.

– Господи, это сумасшедший дом какой-то, – раздраженно бросил Джерри. Дама кашлянула и придала своим чертам терпеливое мученическое выражение. Он повернулся обратно к Фальку. – Придется идти. Я тебе позвоню.

Он потряс Фальку руку, задержав ее в своей на мгновение дольше, чем это было необходимо.

Фальк кивнул. Он все понимал. Джерри, какой-то сторбленный и сжавшийся, последовал за дамой. Гретчен, утешив сына, вернулась обратно к Фальку. Стоя рядом, они смотрели, как Джерри уходит.

– Выглядит он ужасно, – сказала она тихо. – Слышала, он тут наорал вчера в супермаркете на Крэйга Хорнби, тот якобы легкомысленно отозвался о ситуации или что-то вроде того. Что-то не похоже на Крэйга, они же пятьдесят лет уже дружат.

Фальк представить себе не мог, чтобы кто угодно легкомысленно отозвался об этих трех кошмарных гробах, не говоря уж о стоическом молчуне Крэйге.

– Неужели Люк совершенно не подавал никаких признаков? – Он просто не смог удержаться.

– Каких, например? – Муха села Гретчен на губу, и та раздраженно ее смахнула. – Бегал по главной улице с ружьем наперевес, крича, что убьет жену и ребенка?

– Господи, Гретч, я ж только спросил. Думал, может, у него депрессия была или что-то еще.

– Прости. Это все жара. От нее все только хуже. – Она помедлила. – Понимаешь, мы тут в Кайверре все уже на пределе. Каждый. Но, честное слово, нельзя сказать, что Люку приходилось хуже, чем кому-либо другому. По крайней мере, никто этого не замечал. Или не говорил о том, что заметил.

Гретчен замолкла. Вид у нее сделался отрешенный и мрачный.

– Хотя трудно сказать, – продолжила она. – Все так злы. Но не то чтобы они злились конкретно на Люка. Такое ощущение, что даже у тех, кто возмущается больше всех, нет к нему ненависти за то, что он сделал. Странно как-то. Будто они завидуют.

– Чему?

– Да он сделал то, на что они решиться не могут. Так мне кажется. Потому что он-то отсюда выбрался, верно? Мы, все остальные, остались здесь гнить, а ему больше не приходится беспокоиться ни об урожае, ни о пропущенных выплатах по кредиту, ни о том, пойдет дождь или нет.

– Отчаянное решение, – сказал Фальк. – Забрать с собой семью. Как там справляются родные Карен?

– Насколько я слышала, родных у нее не осталось. Ты с ней знаком?

Фальк потряс головой.

– Единственный ребенок, – сказала Гретчен. – Родители умерли, когда она была еще только подростком. Она переехала сюда, к тете, и та умерла несколько лет назад. Такое ощущение, что Карен была Хэдлер во всем, кроме как по крови.

– Вы с ней дружили?

– В общем-то, нет. Я...

От французских дверей донесся звон вилки по бокалу. Люди один за другим замолкали и разворачивались лицом туда, где рука об руку стояли Джерри и Барб Хэдлер. В окружении всей этой толпы они казались ужасно одинокими.

Теперь они остались вдвоем, неожиданно дошло до Фалька. Когда-то у них была дочь – недолго. Она родилась мертвой, когда Люку было три. Если они и пытались завести ребенка после этого, у них ничего не получилось. Вместо этого они вложили всю свою энергию в единственного сына, который рос здоровым и крепким.

Барб кашлянула; ее взгляд метнулся по толпе.

– Мы хотели поблагодарить вас всех за то, что пришли. Люк был хорошим человеком.

Это прозвучало слишком громко и слишком быстро, и она крепко сжала губы, словно для того, чтобы не дать вырваться чему-то еще. Пауза затянулась, повисла, стала неловкой, но все продолжала тянуться. Джерри безмолвно впери́л взгляд в землю. Барб с видимым трудом разлепила губы и глотнула воздуха.

– А Карен и Билли были чудесными. То, что случилось, – она сглотнула, – ужасно. Но я надеюсь, что со временем вы сможете вспоминать Люка как следует. Каким он был до этого. Он был другом многим из вас. Хорошим соседом, усердным работником. И любил свою семью.

– Да, пока он их не грохнул.

Слова, долетевшие из задних рядов, были сказаны негромко, но многие головы резко развернулись. Фальк тоже посмотрел. На перекрестье возмущенных взглядов оказался крупный мужчина за сорок, не в лучшей форме. Он сложил руки на груди; рукава футболки натянулись на бицепсах, жира в которых было явно больше, чем мышц. Роба у него была красная, украшенная неопрятной щетиной; и вызывающий вид хулигана, который привык, чтобы его все боялись. Он пялился в ответ на каждого, кто повернулся, чтобы его пристыдить, и люди по одному отводили глаза. Барб и Джерри, кажется, ничего не слышали. С поганой овцы – хоть шерсти клок, подумал Фальк.

– Кто это трепло? – прошептал он. Гретчен удивленно взглянула на него.

– Ты что, не узнал его? Это Грант Доу.

– Ты шутишь. – Фальк почувствовал, что волосы у него на затылке встают дыбом, и отвернулся. Он-то помнил поджарого двадцатипятилетнего парня с мускулами, как канаты. Этот тип выглядел так, будто два десятка лет не прошли для него даром. – Он так изменился.

– Все такой же образцовый придурок. Не беспокойся. Не думаю, что он тебя заметил. Иначе ты бы об этом узнал.

Фальк кивнул, но головы больше не поворачивал. Барб начала плакать, что было воспринято собравшимися как знак, что речь окончена. Люди, в зависимости от испытываемых ими чувств, инстинктивно потянулись к Барб или отступили назад. Фальк и Гретчен остались на месте. Подбежал сын Гретчен и зарылся лицом в ее брюки. С некоторым усилием она подхватила его, усадив на бедро; он положил голову ей на плечо и зевнул.

– Вот этому, думаю, пора домой, – сказала она. – Когда ты обратно в Мельбурн?

Фальк посмотрел на часы.

Пятнадцать часов.

– Завтра, – сказал он вслух.

Гретчен вскинула на него взгляд и кивнула. Потом шагнула поближе и притянула к себе свободной рукой. Спиной Фальк чувствовал жар солнца, грудью – тепло ее тела.

– Хорошо было тебя опять повидать, Аарон. – Синие глаза обежали его лицо, будто стараясь запомнить. Она чуть грустно улыбнулась. – Может, лет через двадцать увидимся еще.

Он смотрел ей вслед, пока она не исчезла из виду.

Глава третья

Фальк сидел на краю кровати, апатично наблюдая за средних размеров тарантулом, примостившимся на стене. Стоял ранний вечер; солнце уже зашло, но температура, кажется, практически не упала. Приняв душ, он переоделся в шорты, и теперь дешевое хлопковое покрывало неприятно покалывало его влажные ноги. Со стоявшего в душе кулинарного таймера-яйца свисало суровое объявление, призывающее ограничить омовение тремя минутами. Чувство вины возникло уже после двух.

Сквозь пол приглушенно доносились звуки паба; иногда чей-то неразборчивый голос казался ему смутно знакомым. Какой-то крошечной его части было любопытно посмотреть, кто же там собрался, но вниз спускаться совершенно не хотелось. Шум внезапно прервался звоном разбитого стакана. Ненадолго наступила тишина, потом последовал взрыв глумливого гогота. Тарантул слегка передвинул одну ногу.

Фальк подпрыгнул, когда на тумбочке рядом с кроватью пронзительно и фальшиво зазвонил телефон. Звонок застал его врасплох, но удивления не было. Скорее, ощущение, что он ждет этого уже несколько часов.

– Алло?

– Аарон Фальк? У меня для вас звонок. – Бармен говорил гулким басом с легким шотландским акцентом. Фальк вызвал в памяти его внушительную фигуру: два часа назад он без всяких комментариев принял у Фалька кредитку в обмен на ключ от номера.

Раньше Фальк никогда его не видел, но был уверен, что подобное лицо он не забыл бы. Сильно за сорок, широкоплечий, с густой бородой оранжевого цвета, бармен, по догадке Фалька, был бэкпэкером, который решил немного задержаться, а потом еще и еще. Никакой реакции, когда Фальк назвал свое имя, кроме явного недоверия, что кому-либо понадобилось использовать паб для целей, не связанных напрямую с потреблением алкоголя.

– А кто звонит? – спросил Фальк, хотя уже догадывался.

– Задай этот вопрос сам, – ответил бармен. – Если тебе нужна служба сообщений, мой друг, надо было выбирать заведение пошкарнее. Соединяю.

На мгновение линия замолчала, потом Фальк услышал дыхание в трубке.

– Аарон? Ты здесь? Это Джерри. – Голос у отца Люка был усталый.

– Джерри. Нам надо поговорить.

– Да. Давай, приезжай к нам. По-любому Барб хочет с тобой потолковать. – Джерри назвал адрес. Последовала долгая пауза, потом – тяжелый вздох. – И слушай-ка, Аарон. Она про письмо не знает. И про все эти дела. Давай оно так и останется, ладно?

Двадцать минут спустя Фальк, следуя указаниям Джерри и вдоволь напетлявшись по мрачным сельским дорогам, въехал на подъездную дорожку. Лампочка над крыльцом бросала оранжевые отсветы на дом, аккуратно обшитый вагонкой. Он припарковался, и дверь в доме со скрипом отворилась. На пороге возник приземистый силуэт Барб. Секундой позже за ее плечом встал Джерри, и его более длинная тень легла на подъездную дорожку. Поднимаясь по ступенькам, Фальк заметил, что они до сих пор в той же одежде, в какой были на поминальной службе. Только теперь она вся была мятой.

– Аарон. Господи, как давно я тебя не видела. Спасибо, что приехал. Заходи, – прошептала Барб, протягивая ему свободную руку. Другой она крепко прижимала Шарлот к груди, энергично ее укачивая. – Прости уж насчет ребенка. Не засыпает. Никак не успокоится.

Насколько Фальк видел, Шарлот крепко спала.

– Барб, – Фальк наклонился над ребенком, чтобы ее обнять. – Как я рад тебя видеть.

Долгую секунду она не выпускала его из объятий, и, чувствуя у себя на спине ее полную руку, он почувствовал, как внутри у него что-то отпустило. Запах ее спрея для волос

– легкие цветочные нотки – был тот же самый, как в те времена, когда она все еще была для него миссис Хэдлер. Когда они выпрямились, он впервые смог как следует взглянуть на Шарлот. Личико у нее было красное, и, казалось, ей было не совсем удобно в слишком тесных объятиях бабушки. Лобик у нее собрался в хмурые морщинки, и это выражение неожиданно, до дрожи, напомнило Фальку ее отца.

Он шагнул в залитую светом прихожую, и Барб внимательно оглядела его сверху донизу; глаза у нее немедленно порозовели. Потянувшись, она теплыми пальцами прикоснулась к его щеке.

– Надо же. Ты почти совсем не изменился, – сказала она. Фалька охватило иррациональное чувство вины. Он знал, что рядом с ним она представила себе другого подростка. Барб всхлипнула и промокнула слезы бумажной салфеткой, осыпав блузку белыми пушинками. Не обращая на это внимания, она повела его по коридору, увешанному семейными фотографиями, которые они оба тщательно проигнорировали. Джерри последовал за ними.

– Как уютно вы тут устроились, Барб, – сказал Фальк из вежливости. Она всегда очень гордилась своим хозяйством, но теперь, глядя вокруг, он замечал здесь и там признаки небрежения. На столике в углу теснились грязные чашки, помойное ведро было переполнено, на столе лежала гуда нераспечатанных конвертов. Все здесь говорило о гнете растерянности и печали.

– Спасибо. Нам хотелось найти себе что-то небольшое, чтобы легко было управляться, после того... – На секунду она замолчала. Сглотнула. – После того, как мы продали ферму Люку.

Они прошли на открытую террасу, выходящую в маленький, ухоженный садик. Под ногами поскрипывали рассохшиеся доски террасы; ночь немного смягчила безжалостную дневную жару. Аккуратно подстриженные кусты роз все были безнадежно мертвы.

– Я пыталась поливать их использованной водой. Но жара их все-таки достала. – Она указала Фальку на плетеное кресло. – Мы видели тебя в новостях; Джерри тебе говорил? Пару месяцев назад. Про те фирмы, которые вкладчиков надували. Уводили у них сбережения.

– Дело Пемберли, – сказал Фальк. – Да, тот еще был скандал.

– Они хвалили тебя, Аарон. По телевизору и в газетах. Ты вернул людям их деньги.

– Только часть. Часть к тому времени давно испарилась.

– Ну, они говорили, что ты – молодец. – Барб похлопала его по коленке. – Твой папа гордился бы тобой.

Фальк помолчал.

– Спасибо.

– Нам было так жаль, когда мы услышали, что он умер. Рак – такая мерзкая штука.

– Да.

Кишечник, шесть лет назад. И это была нелегкая смерть.

Джерри, подпиривший спиной косяк, открыл рот впервые с тех пор, как приехал Фальк.

– Я пытался поддерживать связь, знаешь ли. После того, как вы уехали. – В его нарочито-небрежном тоне прозвучали нотки обиды. – Писал твоему отцу, позвонить пытался пару раз. Ответа так и не дождался. Пришлось сдаться в конце концов.

– Что ж поделаешь, – ответил Фальк. – Он не особенно поддерживал контакты с Кайверрой.

Это еще мягко было сказано. Но все сделали вид, что пропустили мимо ушей.

– Выпьешь? – Не дожидаясь ответа, Джерри исчез в доме и почти сразу вернулся с тремя стаканчиками виски. Подавив изумление, Фальк принял из его рук свой. Он никогда не видел, чтобы Джерри пил что-либо, кроме светлого пива. К тому времени, как стакан оказался у него в руках, лед уже начал таять.

– Твое здоровье, – запрокинув голову, Джерри сделал большой глоток. Фальк ждал, когда он поморщится. Этого не произошло. Фальк вежливо отпил виски и отставил стакан. Барб с отвращением глядела в свой.

– Вообще-то не надо бы пить такое, когда рядом ребенок, Джерри, – сказала она.

– Дорогая, ну сколько можно! Ребенку плевать. Да для этого гребаного мира ее все равно что нет, – сказал Джерри. Возникла кошмарная пауза. В залитом тьмой саду фоном гремели ночные насекомые. Фальк прочистил горло.

– Как ты сама-то, Барб?

Опустив взгляд, она погладила Шарлот по щеке. Потрясла головой, и на лицо спящей девочки упала слеза.

– Совершенно очевидно, – начала Барб, потом остановилась. Зажмурилась; открыла глаза. – То есть *совершенно очевидно*, что Люк этого не делал. Он никогда бы такое не сделал. Ни с собой. И уж точно ни со своей чудесной семьей.

Фальк глянул на Джерри. Тот все стоял в дверях, сверля взглядом полупустой стакан.

Барб продолжала:

– Я говорила с Люком за пару дней до того, как это случилось. И с ним все было в полном порядке. Правда, он был совершенно нормальным.

Фальк не знал, что на это ответить, поэтому просто кивнул. Барб восприняла это как знак одобрения.

– Видишь, ты понимаешь, потому что ты хорошо его знал. Но остальные-то, здешние. Они не такие. Просто верят всему, что им говорят.

Фальк прикусил язык, решив не упоминать, что он не видел Люка последние пять лет. Они оба посмотрели на Джерри, который продолжал внимательно изучать свой напиток. С той стороны помощи ждать не приходилось.

– Поэтому-то мы и надеялись... – Барб, поколебавшись, оглянулась. – ... Я надеялась, что ты можешь нам помочь.

Фальк глядел на нее во все глаза.

– В чем именно помочь, Барб?

– Ну, узнать, что случилось на самом деле. Чтобы обелить имя Люка. И ради Карен и Билли. И Шарлот.

На этом она принялась качать Шарлот на руках, глядя ее по спинке и издавая успокаивающие звуки. Ребенок все так же спал.

– Барб, – Фальк наклонился вперед и положил ей ладонь на свободную руку. На ощупь та была влажной и лихорадочно горячей. – Мне страшно жаль, что все так случилось. Жаль вас всех. Люк тогда был мне как брат. Ты это знаешь. Но я не тот человек, который нужен для таких дел. Если у тебя есть подозрения, тебе нужно обратиться в полицию.

– Мы обратились к тебе. Ты – полицейский.

– В полицию, где есть профессионалы, которые занимаются подобного рода вещами. Я больше этого не делаю. Ты это знаешь. Я теперь по финансовой части. Счета, деньги.

– Именно. – Барб кивнула.

Джерри издал неопределенный горловой звук.

– Барб думает, что тут замешаны денежные проблемы. – Он явно пытался сказать это нейтральным тоном, но ему не удалось.

– Да. Именно так я и думаю, – резко ответила она. – Почему тебе так трудно в это поверить, Джерри? У него ж деньги не задерживались. Если у Люка был доллар, он спускал два, чтобы уж наверняка.

Правда ли это, задумался Фальк. Он никогда не замечал, чтобы Люк так уж охотно запускал руку в карман.

Барб снова повернулась к нему.

– Понимаешь, десять лет я была убеждена, что мы правильно поступили, продав ферму Люку. Но вот эти две последние недели я все беспокоилась, может, мы только повесили ему камень на шею. Кто знает, с этой-то засухой? Тут все в отчаянном положении. Он запросто мог одолжить у кого-то денег. Может, не смог отдать долг. Может, кто-то, кому он должен был денег, приехал и нашел его.

Наступило молчание. Фальк потянулся за своим стаканом и сделал глоток. Виски было теплым.

– Барб, – сказал он наконец. – Может, впечатление было и другое, но те, кто занимался расследованием, правда учли все эти возможности.

– Учли, как же, – резко бросила Барб. – Они и знать ничего не хотели. Приехали из Клайда, поглядели разок, сказали: «Ну да, еще один фермер слетел с катушек», и на этом – все. Дело открыто, дело закрыто. Раз-два, очень удобно. Прямо видно было, о чем они думают. Одни поля да овцы. Да чтобы жить здесь, уже надо быть наполовину психом. Только что вслух этого не говорили.

– Они прислали отряд из Клайда? – спросил Фальк. Он был несколько удивлен. Клайд был ближайший город с полностью укомплектованным полицейским участком. – Так это был не местный? Как там его зовут?

– Сержант Рако. Нет. Он к тому времени был тут всего неделю или около того. Они прислали кого-то.

– Вы сказали Рако о своих подозрениях?

У нее сделался упрямый вид.

– Вот мы тебе говорим.

Джерри поставил стакан на стол с таким стуком, что они оба подпрыгнули.

– Ну ладно, думаю, мы сказали, что хотели, – произнес он. – Долгий был день. Давай дадим Аарону возможность все хорошенько обдумать. Разложить все по полочкам. Пойдем, приятель, я тебя провожу.

Барб открыла было рот, будто хотела возразить, но, встретив взгляд Джерри, промолчала. Положила Шарлот на свободное кресло и притянула Фалька в слегка влажные объятия.

– Просто подумай об этом. Пожалуйста. – Ее горячее дыхание обдало ему ухо, и он почувствовал слабый запах алкоголя. Барб уселась обратно, подхватила на руки Шарлот и начала энергично ее укачивать, пока младенец не открыл, наконец, глаза с раздраженным воплем. И, глядя девочку по спинке и приглаживая ей волосики, Барб впервые улыбнулась. Уже из коридора Фальк услышал, как она фальшиво напевает какую-то колыбельную.

Джерри проводил Фалька до самой машины.

– Барб хватается за последнюю ниточку, – сказал Джерри. – Забрала себе в голову, что это – работа какого-то мифического долгового коллектора. Чепуха это. Люк знал, как обращаться с деньгами. Ему приходилось нелегко, да, как и всем остальным. И, бывало, он шел на риск, но всегда в пределах разумного. Да в любом случае всю бухгалтерию на ферме вела Карен. Она бы сказала. Дала бы нам знать, если бы дела пошли настолько плохо.

– Так что ты думаешь?

– Я думаю... Думаю, последнее время на него слишком много навалилось. И как ни больно мне это говорить, – правда, меня это просто убивает, – я думаю, что это именно то, чем оно кажется. И я хочу знать, есть ли тут часть моей вины.

Фальк привалился к машине. Голова у него гудела.

– Давно ты знаешь? – спросил он.

– Что Люк солгал, когда давал тебе алиби? Все это время. Сколько это будет, лет двадцать с небольшим? В тот день, когда это случилось, я видел Люка. Он ехал на велосипеде, один. Совсем не там, где вы, ребята, сказали, что вы были. – Он помолчал. – Никогда никому об этом не рассказывал.

– Я не убивал Элли Дикон.

Где-то рядом, скрытые тьмой, верещали цикады.

Джерри кивнул, глядя вниз, себе под ноги.

– Аарон, если бы я хоть на секунду подумал, что ты это сделал, я бы не стал молчать.

Почему, как ты думаешь, я ничего не сказал? Это бы тебе жизнь сломало. Подозрения висели бы над тобой *годы*. И дали бы они тебе поступить в полицию? Люка бы это тоже подвело под статью, за то, что солгал. И все ради чего? Девочка все равно была мертва. Очевидно, покончила с собой, и знаю, так думал не я один. Вы, ребята, никакого отношения к этому не имели. – Джерри ковырнул ботинком землю. – По крайней мере, я так думал.

– А теперь?

– Теперь? Господи. Не знаю, что и думать. Я всегда считал, что Люк солгал, чтобы защитить тебя. Но теперь у меня убита невестка, убит внук, а ружье все в отпечатках моего собственного сына, который тоже мертв.

Джерри провел рукой по лицу.

– Я любил Люка. Защищал бы его до конца. Но Карен и Билли я тоже любил. И Шарлот. Я бы сошел в могилу, повторяя, что мой сын просто не мог совершить такое. Но вот голос у меня в голове все шепчет: *Это правда? Ты уверен?* Так что я спрашиваю тебя. Здесь. Сейчас. Люк дал тебе алиби, чтобы защитить тебя, Аарон? Или он солгал, чтобы защитить себя?

– Никто никогда не говорил, что Люк мог быть в ответе за то, что случилось с Элли, – сказал Фальк осторожно.

– Нет, – ответил Джерри. – И не в последнюю очередь потому, что вы друг друга прикрыли, а? Мы с тобой оба знали, что он солгал, но ни ты, ни я ничего не сказали. Так вот в чем вопрос: значит ли это, что кровь невестки и внука – у меня на руках?

Джерри склонил голову, и тени скрыли его выражение.

– Вот о чем тебе надо бы спросить себя, прежде чем ты сбежишь, поджав хвост, в Мельбурн. Я и ты – мы с тобой оба скрыли правду. Если я виновен, то и ты – тоже.

Дорога обратно, в паб, казалось, прибавила в длине. Фальк включил дальний свет, и фары вырезали во мраке два белых конуса. У него было ощущение, что на много миль вокруг никого, кроме него, нет. Впереди – пустота, позади – пустота.

Он почувствовал, как под колесами что-то тошнотворно хрустнуло, кажется, даже раньше, чем увидел расплывчатое пятнышко, метнувшееся через дорогу. Кролик. Вот он есть, а вот его нет. Он рефлекторно нажал на тормоз, но запоздал – на тысячу кило веса и восемьдесят километров в час. Тормозить или нет – разницы никакой. Ощущение было такое, будто его толкнули в грудь. И этот толчок будто высвободил что-то у Фалька в мозгу. Воспоминание, которое не всплывало в памяти уже много лет, вдруг скользнуло на поверхность.

Дрожавший у Люка на руках крольчонок был совсем еще маленький. Ногти у Люка были совершенно черные. Обычное дело. У восьмилетних обитателей Кайверры был не слишком богатый выбор развлечений по выходным. Они неслись сломя голову, наперегонки в высокой траве, сами не зная куда, и вдруг Люк остановился как вкопанный. Он наклонился между высоких стеблей и секунду спустя уже держал на руках крошечное существо. Аарон подбежал посмотреть. Они гладили крольчонок, и каждый говорил другому не давить слишком сильно.

– Я ему нравлюсь. Он мой. – сказал Люк. Всю обратную дорогу, до дома Люка, они спорили насчет имени.

Они нашли картонную коробку, положили туда своего нового любимца и нависли над ним, чтобы как следует разглядеть. Кролик иногда чуть

вздрагивал под их пристальным взглядом, но в основном лежал совершенно тихо. Страх, маскирующийся под покорность.

Аарон побежал внутрь, за полотенцем, чтобы выстелить коробку. Это заняло у него больше времени, чем он рассчитывал, и когда он вновь выбежал на яркое солнце, Люк стоял неподвижно. Руку он держал в коробке. Услышав Аарона, он резко оглянулся и быстро выдернул руку из коробки. Аарон медленно подошел, не до конца понимая, что он видит, чувствуя только желание оттянуть момент, когда надо будет заглянуть в коробку.

– Он умер, – сказал Люк. Его губы были крепко сжаты. На Аарона он не глядел.

– Почему?

– Не знаю. Просто взял и умер.

Аарон спросил еще пару раз, но ответ всегда был один и тот же. Крольчонок лежал на боку, такой пушистый, совершенно целый, но неподвижный, и глядел на мир пустыми черными глазами.

«Просто подумай об этом», – сказала ему Барб, когда Фальк уходил от них. Вместо этого, ведя машину по бесконечным сельским дорогам, с не обсохшей на колесах кровью животного, Фальк не мог перестать думать об Элли Дикон и их неразлучной четверке. Был ли у Элли такой же отсутствующий взгляд, когда ее легкие целиком заполнила вода?

Глава четвертая

Желтая полицейская лента все еще висела обрывками на дверях дома Хэдлеров, вспыхивая в лучах утреннего солнца. Фальк припарковался рядом с полицейским автомобилем на полоске высохшей травы перед домом. Солнце еще не добралось до высшей точки, но, когда Фальк выбрался из машины, его кожу уже слегка покалывало от жары. Он надел шляпу и посмотрел на дом. Расспрашивать дорогу ему не пришлось. В детстве он проводил в этом доме столько же времени, сколько в своем собственном.

Люк мало что здесь изменил, с тех пор как поселился в доме родителей, подумалось Фальку, пока он держал палец на кнопке звонка. Изнутри дома донесся знакомый перезвон, и внезапно его охватило чувство, будто он перенесся назад во времени. Уверенность, что нахальный шестнадцатилетний парень вот-вот распахнет дверь, была настолько сильной, что он чуть не отступил на шаг.

Ни единого движения. Закрытые занавесками окна глядели на него, как пара слепых глаз.

Большую часть ночи Фальк провел в размышлениях о том, что сказал ему Джерри. Утром он позвонит Джерри и скажет, что сможет задержаться в городке на день или два. Только до выходных. Сейчас был четверг. На работе его ждут в понедельник. Но пока он зайдет на ферму Люка. Поглядит, что там с финансами, как просила Барб. Это было самое меньшее, что он мог сделать. Джерри, судя по его тону, придерживался того же мнения. Это было буквально самое меньшее, что мог сделать Фальк.

Фальк подождал секунду, потом пошел в обход здания. Огромное синее небо нависало над желтыми полями. Вдали проволочная изгородь сдерживала напор спутанной, неопрятной массы буша. И Фальк в первый раз заметил, насколько изолированным местом была эта ферма. В дни его молодости здесь бурлила жизнь. До дома его детства рукой было подать – пара минут на велосипеде – и все же он был где-то за горизонтом.

Оглянувшись вокруг, он увидел всего еще один дом: приземистое серое строение, расплывшееся по склону холма.

Дом Элли.

Фальк подумал, ее отец и двоюродный брат, должно быть, живут там до сих пор, и инстинктивно отвернулся. Бродя по двору, он, наконец, наткнулся на сержанта Рако в самом большом из трех амбаров.

Офицер полиции стоял в углу на четвереньках, роясь в грудe старых коробок. Самка австралийской вдовы³, неподвижно устроившаяся в центре паутины, игнорировала деятельность, развернувшуюся в двух метрах от нее. Фальк постучал по железной двери, и Рако резко повернулся на звук; лицо у него было покрыто разводами из пота и пыли.

– Господи, вы меня напугали. Не слышал, как вы подошли.

– Прошу прощения. Аарон Фальк. Я друг Хэдлеров. Ваш секретарь сказала, что вы здесь. – Он указал на паука. – Вы это, кстати, видели?

– Да, спасибо. Тут есть еще парочка вокруг.

Рако встал и стянул рабочие перчатки. Попытался смахнуть пыль и грязь с темно-синих форменных брюк, но сделал только хуже. Под мышками его аккуратно отглаженной рубашки расплылись пятна пота. Он был пониже Фалька, сложен как боксер, с коротко остриженными курчавыми волосами. Оливковая кожа, как у выходца из Средиземноморья, но по акценту

³ Австралийская вдова (англ. Redback) – один из немногих видов пауков, укус которых крайне болезнен и опасен для человека, в особенности укус самки. Пауков отличает характерная черная окраска с ярко-красной отметиной в форме песочных часов на спине.

– чистойшей австралийской глубинка. У него были смеющиеся глаза, даже когда он не улыбался. Как сейчас.

– Джерри Хэдлер звонил и сказал что-то насчет того, что вы собираетесь зайти, – сказал Рако. – Извините, конечно, приятель, но у вас не найдется какого-нибудь удостоверения? Тут уже болтались какие-то психи, поглазеть приехали или что, я не знаю.

Приглядевшись, Фальк понял, что Рако старше, чем ему показалось сначала. Лет тридцать, наверное. Фальк заметил, что сержант тоже ненавязчиво к нему приглядывается. Открытый, но настороже. Вполне понятно. Фальк протянул ему водительское удостоверение. Рако взглянул на документ так, будто ожидал увидеть нечто совсем другое.

– Мне показалось, Джерри сказал, что вы – коп?

– Здесь я исключительно по личному делу, – отвечал Фальк. – Так что это неофициально. Надеюсь, вы не возражаете.

– Совсем нет, – на лице Рако промелькнуло непонятое выражение. Фальк очень надеялся, что дело не дойдет до дурацких разборок, кто тут главный.

– Я старый друг Люка. Когда мы еще подростками были.

Рако внимательно изучил удостоверение, потом протянул его обратно.

– Джерри сказал, вам понадобится доступ к банковским документам. Бухгалтерские книги, все такое прочее?

– Самое оно.

– Здесь есть что-то, о чем я должен знать?

– Барб попросила меня взглянуть. Как друга.

– Действительно. – Рако, будучи на несколько сантиметров ниже, умудрился посмотреть Фальку в глаза так, будто они были одного роста. – Слушайте, Джерри с Барб говорят, что вы в порядке, и я не собираюсь совать вам палки в колеса исключительно из спортивного интереса. Но вы здесь в довольно-таки уязвимом положении. Так что, если набредете на что-то, о чем я должен услышать, вы это до меня донесете. Хорошо?

– Да без проблем. Я здесь только для того, чтобы им помочь.

Не удержавшись, Фальк оглядел внутренность амбара через плечо Рако. В огромном полупустом пространстве стояла удушающая жара; свет, проникая сквозь пластиковые окна в крыше, приобретал болезненный желтый оттенок. В центре пола, залитого бетоном, стоял трактор; разнообразная техника, назначение которой было Фальку неясно, громоздилась у стен. Из-под одного аппарата, стоявшего совсем рядом, змеился шланг. Наверное, что-то связанное с дойкой, подумал он безо всякой уверенности. Когда-то он бы знал. Теперь, на его городской взгляд, все это было похоже на пыточные инструменты. Фальк кивнул на коробки в углу.

– А что вы здесь искали?

– Неплохая попытка, приятель, но вы сами сказали, что вы здесь исключительно по личному делу, – сказал Рако. – Выписки из банка находятся в доме. Пойдемте, я покажу, где кабинет.

– Да все в порядке, – Фальк сделал шаг назад. – Я знаю, где это. Спасибо.

Поворачиваясь, чтобы уйти, он заметил, как брови Рако поползли вверх. Если парень ожидал территориальных войн, подумал Фальк, то он обманулся. И все же он не мог не восхищаться преданностью этого человека делу. Было еще рано, но Рако явно рылся тут уже не первый час.

Фальк направился к дому. Остановился. Подумал с минуту. Может, у Барб и были сомнения, но ему Рако показался полицейским, который относился к делу всерьез. Фальк повернул обратно.

– Слушайте, – сказал он. – Не знаю, что именно рассказал вам Джерри, но по себе знаю – когда за что-то отвечаешь, гораздо легче, когда знаешь, что происходит. Меньше возможностей налажать.

Рако в молчании выслушал рассказ Фалька о теории Барб насчет проблем с деньгами и сборщиками долгов.

– Думаете, в этом что-то есть?

– Не знаю. Уверен, проблемы с деньгами я найду. Это и так ясно, стоит только вокруг посмотреть. Значит ли это, что на курок нажал не Люк, а кто-то еще, – другой вопрос.

Рако медленно кивнул.

– Спасибо. Я это ценю.

– Да не за что. Я в кабинете буду.

Фальк не успел дойти и до середины выжженного двора, когда услышал, как Рако его зовет.

– Эй. Погодите-ка секундочку. – Сержант вытер лоб локтем и сощурился на солнце. – Вы же близко дружили с Люком, да?

– Когда-то давно, да.

– Скажем, Люку нужно было что-то спрятать. Что-то небольшое. Есть хоть какие-нибудь идеи, куда он мог это прикопать?

Фальк на минуту задумался; потом понял, что думать тут особо нечего.

– Может быть. А что это должна быть за вещь?

– Если найдем, покажу.

В последний раз, когда Фальк лежал на этом конкретном газоне, трава была свежей и зеленой. Теперь сухая желтая щетина колола его сквозь рубашку.

Он повел Рако вокруг задней стороны дома, время от времени проверяя ногой доски обшивки. Найдя, наконец, нужную доску, он лег на живот и подсунул палку под низ панели. Чуть скрипнув, та легко отошла и легла ему в руку.

Фальк взглянул вверх, на Рако, который стоял рядом.

– Здесь? – спросил Рако, натягивая рабочие перчатки. – Что же он здесь обычно прятал?

– Да все подряд. Игрушки, чипсы и сладости, когда мы были маленькими. Бухло – попозже. Ничего такого уж особенного. В общем, все то, что дети обычно не показывают родителям.

Рако опустил руку на колени. Сунул руку по локоть в образовавшееся отверстие и пошарил вслепую. Когда он вынул руку, в ней была пригоршня сухих листьев и очень старая пачка сигарет. Положил все это рядом на землю и попробовал еще. На этот раз ему попались остатки порножурнала, пожелтевшего, с загнутыми страницами и дырками, которые кто-то проел в самых важных местах. В раздражении он отшвырнул журнал и совершил еще одну попытку, засунув руку как можно глубже. Нехотя вынул. Ничего.

– Давайте, – сказал Фальк, указывая на перчатки. – Попробую я.

Они с Люком перчатками не пользовались, подумал Фальк, засовывая руку в мертвое пространство под домом. Что бы ни водилось под домом, бессмертию детей и подростков оно не угрожало. Он пошарил вокруг, не ощущая ничего, кроме ровной поверхности земли.

– Дайте мне хотя бы намек, что я тут ищу, – прокричал он.

– Коробочку. Или что-то вроде упаковки.

Потайное место было пусто. Он вынул руку.

– Прощу прощения, – сказал он. – Много времени прошло.

Колени у Рако сухо щелкнули, когда он, разогнувшись, поднялся на ноги. Он открыл потрепанную пачку сигарет. Вынул одну, посмотрел на нее с сожалением, потом медленно задвинул обратно в пачку. Некоторое время они оба молчали.

– Это все пули, – сказал Рако наконец. – Из ружья, которое убило Хэдлеров. Они не те.

– Не те – в каком смысле?

– Марка не та, которой пользовался Люк. Пользовался, насколько я могу судить, годами. Те три выстрела, которыми был убит он и его семья, были произведены патронами «ремингтон». Все патроны, какие мне удалось найти здесь, на ферме, – это «винчестер».

– «Винчестер».

– Ну да. Я заметил, когда из Клайда опись прислали, и с тех пор это меня грызет, – сказал Рако. – Вот такие дела. Коробка «ремингтонов» – и я был бы счастлив.

Фальк стянул перчатки. Руки у него вспотели.

– А Клайд не может прислать пару человек помочь с обыском на ферме?

Рако отвел взгляд, теребя в руках сигаретную пачку.

– Ну да. Не знаю. Наверное, может.

– Ну да. – Фальк подавил улыбку. Рако, может, и носил отглаженную форму и вел официальные беседы, но Фальк повидал достаточно, чтобы сразу распознать сторонника неформального подхода.

– Может, Люк раздобыл где-то несколько лишних патронов, – предположил Фальк.

– Ну да, такое определенно могло случиться, – ответил Рако.

– Или патроны были последними в коробке, а упаковку он выкинул.

– Ну да. Хотя никаких следов выкинутой упаковки нет ни в мусоре из дома, ни в его пикапе. Уж поверьте, – тут Рако коротко усмехнулся. – Я проверял.

– А где вы еще не смотрели?

Рако кивнул на вынутую Фальком доску.

– На этой ферме? Я думаю, можно официально считать обыск законченным. – Фальк нахмурился. – Это немного странно.

– Ну да. Вот и я так подумал.

Фальк ничего не сказал, только молча смотрел на Рако. Тот сильно вспотел. Лицо, руки и одежда у него все были в грязи и пыли после розысков в душливой жаре амбара.

– Что еще? – спросил Фальк.

Молчание.

– Что вы имеете в виду?

– Столько усилий. Все утро на четвереньках в амбаре мертвого человека, на такой-то жаре, – сказал Фальк. – Должно быть что-то еще. Или, по крайней мере, вы думаете, что оно есть.

Наступила долгая пауза. Потом Рако вздохнул.

– Да, – сказал он. – Есть кое-что еще.

Глава пятая

Они сидели на колкой сухой траве у дома, вытянув ноги и привалившись спинами к стене рядом с панелью, под которой скрывался тайник. Выжимая все что можно из узенькой полоски тени, пока Рако быстро излагал факты. Он начал говорить со слегка отстраненным видом человека, которому уже приходилось все это рассказывать.

– Сегодня будет ровно две недели с того дня, – сказал он, обмахиваясь потрепанным порножурналом. – Курьер привез посылку и обнаружил Карен. Позвонил в службу спасения. Звонок поступил около 5:40 вечера.

– Вам?

– И в Клайд, и местному врачу. Диспетчер ставит в известность нас всех. Врач был ближе всех, так что он оказался на месте первым. Доктор Патрик Ли. Ты его знаешь?

Фальк потряс головой.

– В общем, сначала появился он, потом, через пару минут, подъехал я. Я подъезжаю, а дверь открыта, и доктор склонился над Карен в прихожей, проверяет признаки жизни или что они там в таких случаях делают. – Рако надолго замолчал, глядя невидящими глазами на деревья вдаль. – Я никогда с ней не был знаком, не знал даже, кто она, но он ее знал. Все руки в ее крови. И кричит, прямо, знаете, орет на меня: «У нее дети есть, тут могут быть дети». Так что...

Вздыхнув, Рако открыл старую пачку Люковых сигарет. Сунул одну в зубы, предложил пачку Фальку, который, к собственному удивлению, тоже взял сигарету. Он не мог припомнить, когда в последний раз курил. Запросто могло быть на этом самом месте, с лучшим – теперь мертвым – другом. Почему-то казалось правильным взять сигарету именно сейчас. Фальк затянулся и вспомнил, почему свое время с легкостью забросил эту привычку. Глубокий вдох, запах табака мешается с ароматом эвкалиптов – и тут ощущение, что ему опять шестнадцать, окатило его, как никотиновый приход.

– В общем, док орет, и я несусь в дом. Понятия не имею, кто внутри и что я там обнаружу. Может, кто-то вот-вот выскочит из-за угла с пушкой в руках. Хочу позвать детей, и тут до меня доходит, что я даже имен их не знаю. Так что я ору: «Полиция! Все порядке, выходите, вы в безопасности», что-то в этом роде. – Он глубоко затянулся, припоминая. – А потом я слышу этот плач – такие, знаете, *вопли* – и бегу на звук, не зная, что там, впереди. Захожу в детскую и вижу в колыбели эту малышку, и верещит она благим матом. Честное слово, не думал, что так обрадуюсь ребенку, который голову себе готов оторать.

Рако выпустил в воздух струю дыма.

– Потому что с ней все было *в порядке*, – сказал он. – Я просто поверить не мог. Она явно была напугана, но, насколько я мог видеть, невредима. И, помню, я еще подумал в тот момент, что все, может, еще будет ОК. Да, это грустно, конечно, насчет ее мамы. Просто трагедия. Но, *слава Богу*, дети в порядке. Но потом глянул в коридор, а там – дверь приоткрыта.

Он тщательно затушил окурочок о землю, не глядя на Фалька. Фальк почувствовал, как его бросает в холодный пот: он знал, что сейчас будет.

– И видно было, что это тоже детская. Синие стены, постеры с машинами, ну, понимаете? Комната мальчишки. И из этой комнаты – ни звука. Так что я пересекаю коридор, распахиваю дверь, и ясно, что ничего не в порядке. – Он помолчал. – Эта комната была как вид из ада. Эта комната – худшее, что я видел в своей жизни.

Они сидели в молчании. Потом Рако прочистил горло.

– Пойдем, – сказал он, вставая на ноги и потирая руки, будто пытаясь стряхнуть воспоминание. Фальк встал и последовал за ним к крыльцу.

– Вскоре после этого по вызову приехала команда из Клайда, – продолжил Рако, пока они шли вокруг дома. – Полиция, скорая. Было уже почти полседьмого, когда они сюда добрались. Мы обыскали остальные комнаты, и больше никого там, слава Богу, не было, так что все отчаянно пытались дозвониться Люку Хэдлеру. Сначала народ беспокоился, ну, знаете, как же нам все это ему сообщить? Но потом – телефон все не отвечает, и машины его тоже нет, и домой он не приехал, и вдруг замечаешь, что настроение начинает меняться.

– А что Люк должен был делать в тот день?

– Пара ребят из местной волонтерской команды спасателей знали о том, что он договорился с другом пострелять кроликов у него на ферме после обеда. Парень по имени Джейми Салливан. Кто-то позвонил ему, и Салливан все подтвердил, но сказал, что Люк уже два часа, как от него уехал.

Они подошли к входной двери, и Рако достал связку ключей.

– Люк до сих пор никак не проявлялся, и телефон у него не отвечал, так что мы вызвали еще людей на подмогу из команды волонтеров. Поставили их в пары с полицейскими, отправили на поиски. Кошмарные были два часа. Невооруженные люди прочесывали поля и буш, не зная, что они там найдут. Мертвого Люка? Живого? И ни малейшего понятия, в каком он будет состоянии. Все мы дергались, а вдруг он забился куда-нибудь с ружьем и самоубийственными намерениями. В конце концов, один из волонтеров наткнулся на его пикап, скорее по чистой случайности, чем почему-либо еще. Машина была припаркована на какой-то богом забытой поляне километра за три отсюда. Беспокоиться, как выяснилось, было нечего. Люк лежал в кузове мертвый, и большая часть лица у него отсутствовала. И его собственное ружье, – зарегистрированное, все по закону – было у него в руках.

Рако отпер и толчком открыл дверь.

– Так что, казалось, вот и все. Дело ясное. Комар носа не подточит. А вот здесь – он отступил в сторону, чтобы Фальку видна была узкая длинная прихожая, – начинаются странности.

В прихожей было душно и пахло хлоркой. Боковой столик, заваленный счетами, ручками и прочей домашней мелочью, косо стоял у дальней стены, сдвинутый со своего законного места. Выложенный плиткой пол сиял страшной чистотой. Вся прихожая была отскоблена добела.

– Ребята из уборочной службы хорошо поработали, так что никаких неприятных сюрпризов, – сказал Рако. – Ковер в комнате мальчика им спасти не удалось. Не то чтобы кто-то об этом жалел.

Стены были увешаны семейными фотографиями. Многие были странно знакомыми, и Фальк вдруг осознал, что уже видел их во время поминальной службы. Все вместе производило впечатление гротескной пародии на тот уютный семейный дом, который он когда-то знал.

– Тело Карен нашли прямо здесь, в прихожей, – сказал Рако. – Дверь была распахнута, так что курьер увидал ее сразу.

– Она что, бежала к двери? – Фальк попытался представить, как Люк гонится за женой по всему дому.

– Представь себе, нет. Она шла ее отпирать. В нее выстрелили с порога. Это ясно было по положению тела. Но скажи-ка мне вот что: когда ты приходишь вечером домой, ты что, звонишь в дверь, чтобы жена открыла?

– Я не женат, – отвечал Фальк.

– Ну, а я женат. И можешь звать меня чересчур продвинутым, но у меня от дома есть собственный ключ.

Фальк задумался.

– Может, он хотел застать ее врасплох? – сказал он, проигрывая в голове этот сценарий.

– Зачем лишние сложности? Отец приходит домой, размахивая заряженным ружьем. Я так думаю, это само по себе кого хочешь застанет врасплох. Он знает, что они оба дома. Знает, где кто находится. Все просто.

Фальк встал перед дверью и на пробу открыл и закрыл ее несколько раз. Из полутьмы прихожей открытая дверь казалась прямоугольником ослепительного света. Он представил, как Карен идет к двери на стук, думая, может, совсем о другом, или в раздражении, что ее от чего-то оторвали. Щурится от яркого света, и это дает ее убийце секунду, чтобы поднять ружье.

– Просто это показалось мне странным, – сказал Рако. – Зачем стрелять в нее прямо в дверях? Все, чего он добился, – дал мальчонке шанс обмочить штанишки и удрать, не обязательно в этом порядке.

Рако посмотрел мимо Фалька, вглубь дома.

– И здесь возникает вторая странность, – сказал он. – Готов?

Фальк кивнул и последовал за ним дальше во мрак коридора.

Когда Рако включил свет в маленькой синей спальне, то первым впечатлением Фалька было, будто кто-то собрался делать здесь ремонт. На детской кровати, криво сдвинутой к задней стене, не было ничего, кроме голого матраса. Игрушки сложены в коробки, поставленные кое-как одна на другую у стены под футбольными постерами. Здесь явно был ковер, который убрали, обнажив необработанное дерево половиц. Пол был усыпан слоем мелких опилок, в котором они уже оставили следы. С досок в углу был снят верхний слой дерева. Пятно все равно было заметно.

Рако замешкался в дверях.

– Мне все еще непросто здесь находится, – неохотно сказал он, пожав плечами.

А ведь когда-то это была уютная спальня, вспомнилось Фальку. Двадцать лет назад она принадлежала собственно Люку. Фальк сам много раз здесь ночевал. Шептался в темноте с Люком. Задерживал дыхание и глотал смех, когда Барб Хэдлер кричала им, чтобы они немедленно заткнулись и спали. Засыпал в уютном спальном мешке совсем рядом с тем местом, где было теперь это ужасное пятно. Эта комната была когда-то хорошим местом. Теперь, как и в прихожей, здесь пахло хлоркой.

– Можно открыть окно?

– Лучше бы не надо, – ответил Рако. – Приходится держать жалюзи опущенными. Подловил пару ребят, которые пытались сделать снимки, вскоре после того, как это случилось.

Рако вытащил свой планшет и тапнул пару раз по экрану. Передал планшет Фальку. На экране была череда снимков.

– Тело мальчика уже убрали, – сказал Рако. – Но тут видно, как все в комнате было.

Жалюзи на фотографиях были подняты полностью, и свет заливал кошмарную сцену под окном. Дверцы шкафа были распахнуты настежь; висевшая внутри одежда сдвинута вбок. Большая плетеная коробка для игрушек – перевернута. Покрывало с ракетами было отброшено с кровати, будто кто-то проверял, что под ним. Ковер был, в основном, бежевого цвета, кроме одного угла, который занимала темная красно-черная лужа, растекавшаяся из-под перевернутой корзины для белья.

На секунду Фальк попытался представить себе последние секунды Билли Хэдлера. Вот он скорчился в углу, по ноге стекает горячая моча; он пытается подавить рвущиеся из груди судорожные вздохи.

– У вас дети есть? – спросил Рако.

Фальк потряс головой.

– У вас?

– Один на подходе. Девочка.

– Поздравляю.

– Хотя есть еще целая армия племянников. Не здесь – дома, в Южной Австралии. Несколько – возраста Билли, и есть еще парочка помладше, – сказал Рако, забирая у Фалька планшет и проматывая фотографии. – И вот в чем дело. Моим братьям прекрасно известны все места, где спрячутся их дети. Заведи их в комнату к ребенку с завязанными глазами, и они найдут своего в два счета.

Он тапнул по экрану.

– Как ни посмотри, выглядит оно так, будто кто-то что-то искал, – сказал Рако. – Кто-то, кто не знал потайные места Билли, методически обшаривал комнату. Он в шкафу? Нет. Под кроватью? Нет. Похоже, будто мальчонку выслеживали планомерно.

Фальк пристально всмотрелся в темное пятно, которое когда-то было Билли Хэдлером.

– Покажи, где нашли Шарлот.

Детская напротив была отделана в желтых тонах. Музыкальная карусель свисала с потолка посреди пустой комнаты.

– Джерри и Барб забрали колыбельку, – объяснил Рако.

Фальк осмотрелся. Как сильно эта комната отличалась от других. Ковер и мебель оставались на своих местах. Едкий запах хлорки отсутствовал. Казалось, это некое заповедное место, не затронутое тем ужасом, который происходил снаружи, за дверью.

– Почему Люк не убил Шарлот? – спросил Фальк.

– Расхожее мнение гласит, что дело во внезапно проснувшейся совести и чувстве вины.

Фальк вышел, вновь пересек коридор, вернувшись в комнату Билли. Встал у пятна в углу, повернулся на сто восемьдесят градусов и прошел обратно в комнату Шарлот.

– Восемь шагов, – сказал Фальк. – Но я – относительно высокого роста. Будем считать, для большинства людей это девять. Девять шагов от тела Билли до Шарлот, которая лежит в своей колыбели, как на тарелочке. А Люк весь накачан адреналином, кровь стучит в ушах, кровавый туман, все дела. И вот девять шагов. Вопрос в том, достаточно ли этого для полной перемены образа мыслей?

– По мне, кажется, недостаточно.

Фальк подумал о человеке, которого когда-то знал. Картина, которая прежде была такой ясной, теперь стала искаженной, размытой.

– Ты был знаком с Люком? – спросил он.

– Нет.

– У него настроение менялось быстрее, чем он успевал пальцами щелкнуть. Девять шагов – это на восемь больше, чем ему было нужно.

И все же в первый раз с тех пор, как он вернулся в Кайверру, Фальк почувствовал, как его кольнуло сомнение.

– Это же своего рода программное заявление, правда, разве нет? Что-то в этом роде. Это – личное. *Он убил всю свою семью.* Вот что будут говорить о тебе люди. Женщина, на которой Люк женат уже восемь лет, истекает кровью на полу в прихожей, а он проводит – сколько там? Две минуты, три? – переворачивая вверх дном детскую, чтобы убить своего собственного сына. Как закончит, планирует убить и себя тоже. Так что если это был Люк, – он слегка замялся на слове «если», – почему его дочь осталась в живых?

Они постояли с минуту, молча глядя на карусельку, неподвижно висевшую над пустым местом. Зачем нужно было убивать всю семью, кроме младенца? Фальк поворачивал эту мысль в уме и так и сяк, пока не додумался до нескольких возможных причин. Стоящей была только одна.

– Может, тот, кто был здесь в тот день, не убил младенца потому, то ему не нужно было убивать младенца, – сказал Фальк наконец. – Ничего личного. Какая разница, кто ты. Ребенок в тринадцать месяцев – не свидетель.

Глава шестая

– Они тут не в безумном восторге от моих посещений, – сказал Рако с ноткой сожаления в голосе, поставив два пива на столик во «Флисе». Столик пошатнулся, и пиво плеснуло на исцарапанную столешницу. Он заехал домой переодеться в штатское и вернулся с толстой папкой с надписью *Хэдлер* под мышкой. – Плохо для бизнеса. Каждому приходится разыгрывать представление, торжественно убирая ключи от машины.

Они оба взглянули на бармена. За стойкой был все тот же крупный бородач, что и накануне вечером. Он наблюдал за ними поверх газеты.

– Такова уж у нас, копов, судьба. Твое здоровье. – Фальк поднял стакан и сделал долгий глоток. Он всегда спокойно относился к алкоголю, но сегодня рад был возможности выпить. Ранним вечером в пабе было тихо. За столиком в дальнем углу они были совсем одни. У дальней стены трое мужчин сидели, уставившись с животным безразличием в экран телевизора, где шли собачьи бега. Фальк их не узнал, и они игнорировали его в ответ. В задней комнате подмигивали и бренчали покерные автоматы. Кондиционер извергал потоки арктического холода.

Рако отпил глоток.

– И что теперь?

– Теперь надо сообщить Клайду, что у тебя возникли сомнения, – сказал Фальк.

– Обратиться в Клайд прямо сейчас – это значит немедленно переключить их на задниесохранительный режим. – Рако нахмурился. – Ты же знаешь, что будет происходить у них в голове, как только они заподозрят, что налажали. Да это будет соревнование по художественной гимнастике, они головой до задницы достанут, доказывая, что с их расследованием все в порядке. Я бы именно так и сделал.

– Не уверен, что у тебя есть выбор. Когда такие дела. Это работа не для одного человека.

– У нас есть Барнс.

– Кто?

– Констебль у меня на участке. Так что нас трое.

– Вас только двое, приятель, – сказал Фальк. – Я остаться не могу.

– Я думал, ты сказал Хэдлерам, что сможешь.

Фальк потер переносицу. Лязг игральных автоматов у него за спиной вдруг стал ощущаться громче. Такое ощущение, будто шумит прямо у него в голове.

– На пару дней. И это означает день или два. На все расследование не хватит. К тому же я здесь неофициально. У меня есть своя работа, и она меня ждет.

– Хорошо. – Тон у Рако было такой, будто все это и так само собой разумелось. – Остайся тогда на пару дней. Никакой бумажной волокиты. Делай то, что собирался делать, насчет денежной стороны дела. Как только у нас будет на руках хоть что-то, я еду в Клайд.

Фальк ничего не ответил. Он думал о двух коробках банковских выписок и документов, которые он забрал из дома Хэдлеров и которые лежали теперь в номере наверху, у него на кровати.

Ты солгал. Люк солгал.

Он собрал пустые стаканы и отнес обратно на стойку.

– Повторить? – Бармен, отложив газету, величественно поднялся с табуретки. Со вчерашнего вечера Фальк никого, кроме него, за стойкой не видел.

– Послушайте, – сказал Фальк, наблюдая, как бармен наполняет стакан. – Этот номер, где я живу. Можно снять его еще на подольше?

– Это зависит от определенных обстоятельств. – Бармен поставил первое пиво на стойку. – Слышал я тут о тебе пару вещей, мой друг.

– Слышал.

– Слышал. И хотя я всегда рад возможности сделать бизнес, неприятности я не приветствую, понимаешь? Сложностей с этим местом и так предостаточно.

– С моей стороны неприятностей не будет.

– Будут с другой?

– С этим я мало что могу поделать. Ты же знаешь, что я полицейский, верно?

– Это я слышал, да. Но в этих местах, среди ночи, когда ребята как следует наберутся и им требуется спустить пар, силы у полицейского значка гораздо меньше, чем оно надо бы, понимаешь?

– Хорошо. Что ж. Решать тебе. – До просьбы он унижаться не собирался.

Бармен поставил на стойку второй стакан, слегка ухмыляясь.

– Да все в порядке, приятель. Можешь расслабиться. Деньги у тебя такие же, как у всех, и с меня этого достаточно.

Он отдал Фальку сдачу и опять поднял газету к носу. Похоже, он решал какой-то особенно заковыристый кроссворд.

– Но могу тебя по-дружески предупредить: народ тут иногда бывает странноватый. Случаются неприятные ситуации, а помощи ждать особо неоткуда. – Тут он поднял голову и воззрился на Фалька. – Хотя, судя по тому, что я слышал, тебе об этом напоминать не нужно.

Фальк отнес оба стакана обратно на стол. Рако мрачно созерцал размокшую подставку под пиво.

– Не плачь – подурнеешь, – сказал Фальк. – Давай, рассказывай все остальное.

Рако подвинул ему папку через стол.

– Собрал вместе все материалы, к каким у меня был доступ, – сказал он.

Фальк глянул вокруг. Паб до сих пор был наполовину пуст. Рядом – никого. Он раскрыл папку. На первой странице была фотография пикапа, принадлежавшего Люку. У задних колес растеклась лужа крови. Фальк захлопнул папку.

– Давай пройдемся пока по основным пунктам. Что у нас на курьера, который их нашел?

– Чист, насколько это вообще возможно. Работает на крупную курьерскую компанию. Уже два года. Он привез кулинарные книги, которые заказывала Карен, – это проверено. Он запаздывал: последний заказ за день. Его первая доставка в Кайверру. Сказал, он подъехал, увидел Карен, лежащую в дверях, оставил свой обед на клумбе и прыгнул обратно в фургон. Звонок в службу спасения сделал с главной дороги.

– Он оставил Шарлот в доме?

– Говорит, он ее не слышал. – Рако пожал плечами. – Может, и правда. Она долго была одна. Может, к тому времени уже откричалась.

Фальк вернулся к первой странице. На этот раз он оставил папку открытой. Ему почему-то казалось, что Люка нашли на водительском сиденье пикапа, но на фотографиях тело лежало навзничь в кузове автомобиля. Задний борт был откинут, и ноги Люка свешивались вниз, будто до этого он сидел на краю. Ружье, лежавшее рядом, смотрело в сторону того, что когда-то было его головой. Лицо у него совершенно отсутствовало.

– Ты в порядке? – Рако внимательно наблюдал за ним.

– Да. – Фальк сделал долгий глоток из стоявшего перед ним стакана. Кровь растеклась по всему кузову, лужицами стояла в металлических желобах.

– Эксперты нашли в кузове что-то стоящее? – спросил Фальк. Рако сверился со своими записями.

– Большое количество крови – вся принадлежит Люку, – кроме этого, ничего особенного отмечено не было, – сказал он. – Хотя не уверен, насколько хорошо они искали. Ружье нашли сразу. И это была рабочая машина. В кузове полно было всякой всячины.

Фальк опять принялся рассматривать снимок, сосредоточившись на деталях. На внутренней поверхности борта, едва заметные, были видны четыре смазанные горизонтальные полосы. Выглядели они свежими. Светло-коричневые полосы на фоне желтовато-белой окраски кузова; самая длинная – около тридцати сантиметров, самая короткая – примерно в половину этого. Они шли парами по две; пары разделяло около метра. Располагались полосы не совсем одинаково: те, что справа, шли горизонтально; левые – немного наискосок.

– А это что? – Фальк указал на полосы, и Рако наклонился поближе.

– Не уверен. Как я говорил, в пикапе много чего перевозилось.

– Пикап все еще здесь?

Рако покачал головой.

– Увезли в Мельбурн. Сейчас его должны были уже вычистить и отправить на продажу либо на переработку, так я понимаю.

Фальк просмотрел все фотографии, надеясь найти более удачную, но был разочарован. Дочитал записи до конца. Все выглядело довольно стандартно. Если не считать дыры в голове, Люк был здоровым мужчиной. На пару кило тяжелее нормального для него веса, холестерин немного повышен. В крови – ни алкоголя, ни наркотиков.

Фальк сказал:

– Что насчет ружья?

– Все трое совершенно определенно были застрелены из ружья Люка. Зарегистрировано, выдано по лицензии. Найдены были только его отпечатки.

– Где он обычно его держал?

– Сейф в амбаре, там, сзади, – сказал Рако. – Патроны – по крайней мере, те «винчестеры», которые я обнаружил, – были заперты отдельно. Судя по всему, он был немного помешан на безопасности.

Фальк кивнул, слушая вполуха. Он просматривал отчет об отпечатках пальцев, найденных на оружии. Шесть четких овалов, прихотливо расчерченных дугами и кривыми. Еще два отпечатка были менее разборчивыми, слегка смазанными, и все же их без труда идентифицировали как левый большой палец и мизинец Люка Хэдлера.

– Отпечатки хороши, – сказал Фальк.

Рако, уловив его тон, поднял голову от своих заметок.

– Да, очень четкие. После того, как народ их увидел, больше доказательств им особо не потребовалось.

– Идеально четкие, – сказал Фальк, передавая папку обратно Рако. – Может, даже чересчур? Человек вроде как только что убил свою семью. Он должен был бы потеть и трястись, как наркоман. Я видел отпечатки похуже, снятые у свидетелей, в спокойной обстановке.

– Черт. – Рако, хмурясь, рассматривал отпечатки.

– Да, возможно. – Фальк перелистал страницу. – А что эксперты нашли в доме?

– Они нашли абсолютно все. Такое ощущение, что через дом прошла половина общины. Около двадцати различных отпечатков, и это не считая частичных, образцы тканей повсюду. Я не говорю, что Карен не следила за чистотой, но все ж таки это была ферма, с детьми.

– Свидетели?

– Последний, кто видел Люка живым, был этот его приятель, Джейми Салливан. У него ферма к востоку от города. Люк помогал ему кроликов отстреливать. Салливан вспоминает, что Люк приехал к нему тем днем около трех, уехал в четыре тридцать. Кроме этого,

у Хэдлеров реально был всего один сосед, который мог что-то видеть. И он был в это время у себя дома.

Рако потянулся за своей папкой. Фальк ощутил, как в животе накапливается тяжесть.

– Хотя сосед этот – довольно странный тип, – продолжал Рако. – Злобный старый ублюдок. Особой любви к Люку он не питал, что бы это ни значило. Совершенно никакой готовности сотрудничать с полицией.

– Мэл Дикон, – сказал Фальк нарочито ровным голосом.

Рако вскинул на него удивленный взгляд.

– Ну да. Ты его знаешь?

– Да.

Рако подождал, но больше Фальк ничего не сказал. Молчание затягивалось.

– Ну, в общем, – сказал Рако, – он живет там со своим племянником – типом по имени Грант Доу, – которого в тот момент дома не было. Дикон говорит, что ничего не видел. Может, и слышал выстрелы, но внимания не обратил. Подумал, что-то связанное с хозяйством.

Фальк поднял брови.

– Штука в том, что, может, это вообще не важно – что он там видел или нет, – сказал Рако, извлекая свой планшет и тапая по нему. На экране появилось очень плохого качества изображение. Почти совершенно неподвижное, так что Фальку потребовалась минута, чтобы понять: это не фотография, а видео.

Рако передал ему планшет.

– Видео с камеры наблюдения, с фермы Хэдлеров.

– Ты шутишь. – У Фалька отвисла челюсть.

– Ничего особенного. По сути, слегка продвинутая видеоняня, – сказал Рако. – Люк установил это год назад, после того, как в округе была серия краж сельскохозяйственного оборудования. Некоторые фермеры установили себе такие. Делает записи двадцать четыре часа подряд, скидывает материал на домашний компьютер, и спустя неделю, если никто ничего специально не сохранял, все стирается.

Судя по картинке, камера была установлена на самом большом амбаре. Направлена она была во двор, чтобы засечь все, что приезжает или уезжает. В кадре была видна боковая сторона дома и в верхнем углу кадра – небольшой кусочек подъездной дорожки. Рако быстро перематывал запись, пока не нашел место, которое искал, и нажал на паузу.

– ОК, это день, когда были сделаны выстрелы. Можешь потом, если захочешь, посмотреть весь день, но, если коротко, утром все уходят из дома по отдельности. Люк на своем пикапе уезжает в самом начале шестого – работать в поле, насколько мне удалось подтвердить. Потом, сразу после восьми, Карен, Билли и Шарлот уезжают в школу. Она работала там на полставки в администрации, а Шарлот оставляла в яслях там же, при школе.

Рако, коснувшись экрана, запустил видео. Он передал Фальку наушники, подключил их к планшету. Звук был плохой, и временами его забивал ветер, дувший в микрофон.

– В течение всего дня не происходит ничего, – сказал Рако. – Поверь мне, я просмотрел все в режиме реального времени. Ни приездов, ни отъездов до 4:04 вечера, когда Карен с детьми возвращаются домой.

В уголке экрана появился и исчез синий хэтчбэк. Угол съемки был неудачный, и виден был только низ машины, от капота до колес. Фальк еле сумел разобрать передний номер.

– Номер различим, если нажать на паузу и увеличить, – сказал Рако. – Это совершенно точно машина Карен.

Сквозь шум статики Фальк услышал, как хлопнула дверь машины, потом, спустя секунду, – вторая. Рако опять тапнул по экрану, и картинка прыгнула.

– Потом все тихо на протяжении часа – опять же я проверил, – пока... вот, 5:01 вечера.

Рако запустил видео вновь. Несколько секунд изображение было неподвижно. Потом – движение у угла. Серебристый пикап был повыше хэтчбэка, и видна была только часть от фар и ниже. Номер был различим. И опять машина появилась и исчезла, меньше чем за секунду.

– Это машина Люка, – сказал Рако.

Изображение на экране было совершенно неподвижным, хотя видео продолжало идти. Вновь стукнула невидимая дверца автомобиля, потом – ничего, долгих двадцать секунд. И вдруг по ушам ударил глухой звук, так, что он вздрогнул. Карен. Он ощутил, как в груди бухнуло сердце.

Картинка замерла вновь, только цифры таймера продолжали мелькать в углу. Прошло шестьдесят секунд, потом девяносто. Фальк поймал себя на том, что задерживает дыхание, надеясь на иной исход. Плохое качество звука в этот момент радовало и раздражало его одновременно. Вряд ли он смог бы когда-нибудь изгнать из памяти крики Билли Хэдлера, будь они слышны. Когда по ушам ударил второй выстрел, Фальк ощутил чуть ли не облегчение. Он сморгнул.

По прежнему ни единого движения. Потом, спустя три минуты и сорок пять секунд после того, как пикап появился в первый раз, он вновь пересек угол экрана. Задние колеса, внутренность кузова и номер, принадлежавший Люку Хэдлеру, были прекрасно различимы.

– Никто не приезжает и не уезжает еще тридцать пять минут, пока не появляется курьер, – сказал Рако. Фальк передал ему планшет. В ушах до сих пор глухо звучали выстрелы.

– Ты серьезно думаешь, что тут есть место сомнениям? После того, как ты это видел? – спросил Фальк.

– Это пикап Люка, но кто сидит за рулем, не видно, – сказал Рако. – Плюс другие вещи. Патроны. То, что Карен была убита на пороге. Розыски в комнате Билли.

Фальк глядел на него во все глаза.

– Не понимаю. Откуда такая уверенность, что Люк этого не делал? Ты ведь его даже не знал.

Рако пожал плечами.

– Я нашел детей, – сказал он. – Мне довелось увидеть, на что Билли Хэдлер был похож после того, как в него выстрелил какой-то монстр, и я уже больше никогда не смогу этого не увидеть. Я хочу быть уверенным в том, что по отношению к нему все сделано правильно. Знаю, это, наверное, выглядит глупо, и, скорее всего, это сделал все-таки Люк. Я это признаю. Но если есть хотя бы крошечный шанс, что кто-то другой сделал это и ушел безнаказанным...

Рако потряс головой и сделал долгий глоток.

– Знаешь, с виду у Люка Хэдлера было все что пожелаешь: чудесная жена, двое детей, достаточно крепкая ферма, уважение соседей. Почему в один прекрасный день такой человек вдруг берет и убивает свою семью? Я просто не понимаю, зачем такому, как он, творить что-то подобное?

Фальк потер подбородок. Кожа была шершавой. Ему пора было бриться.

Ты солгал. Люк солгал.

– Рако, – произнес он. – Есть кое-что, что тебе надо знать о Люке.

Глава седьмая

– Когда мы с Люком были еще детьми, – сказал Фальк. – Ну, не совсем уже детьми. Постарше, нам по шестнадцать было...

Он осекся, почувствовав, что атмосфера в пабе переменялась. У дальнего конца помещения возникло какое-то движение. Фальк и не заметил, как паб заполнился, и теперь, подняв глаза, он заметил не одно знакомое лицо, не один отведенный взгляд. Он ощутил волну злобы за секунду до того, как увидел, откуда она надвигалась. Народ в пабе опускал глаза и безропотно отходил в сторонку, расступаясь перед группой, двигавшейся в его направлении. Во главе был мясистый детина с гривой грязно-бурых волос, увенчанной солнечным очками. Фальк почувствовал, как у него холодеет в животе.

Может, он и не узнал Гранта Доу на поминках по Хэдлерам, но уж теперь-то ошибки быть не могло.

Двоюродный брат Элли. Глаза у них были одинаковые, но Фальк знал: от нее в нем нет ничего. Доу остановился перед их столиком, нависнув над ними своей рыхлой тушей. Его футболку украшала реклама балинезийского пивного бренда. Мелкие черты по-пороссячьи теснились в центре толстого лица, а борода расплзлась по обширному подбородку. У него был все тот же вызывающий вид, с каким он встречал на поминках укоризненные взгляды. Глядя на Фалька, Доу поднял стакан в издевательском приветствии и улыбнулся одними губами.

– Наглости у тебя хватает сюда припереться, – сказал он. – В этом тебе не откажешь. Что скажешь, дядя Мэл? Не откажем ему в этом, а?

Доу повернулся. Пожилой мужчина, которого до того не было видно за спиной племянника, пошатываясь, шагнул вперед. И впервые за двадцать лет Фальк оказался лицом к лицу с отцом Элли. Ему показалось, будто что-то застряло у него в груди, и он невольно сглотнул.

Спина у Мэла Дикона теперь была колесом, но он все еще был высоким мужчиной, с узловатыми руками и широкими ладонями. Его пальцы, шишковатые и опухшие от возраста, совершенно побелели, когда он вцепился в спинку стула, чтобы не упасть. Между седыми прядями волос проглядывала ярко-розовая лысина; лицо у него все сморщилось в злобной гримасе.

Фальк весь подобрался, готовясь к яростным нападкам, но вместо этого на лице у Дикона промелькнуло замешательство. Он слегка потряс головой, и обвисшие складки кожи на шее мотнулись по грязному вороту рубашки.

– Ты зачем вернулся? – медленно и хрипло спросил Дикон. Когда он говорил, по сторонам рта у него появлялись глубокие рытвины. Абсолютно все и каждый в пабе смотрели куда-нибудь в другую сторону, отметил Фальк. Только бармен следил за разговором с неприкрытым интересом. Даже кроссворд отложил.

– А? – Дикон хлопнул узловатой рукой по спинке стула, так, что все подскочили. – Зачем вернулся? Я думал, тебе достаточно ясно было сказано. Что, парня своего тоже с собой притащил?

Теперь настала очередь Фалька испытывать замешательство.

– Что?

– Этот твой гребаный сын. И не надо тут мне дурочку строить, ты, урод. Он тоже вернулся? Парень твой?

Фальк моргнул. Дикон принял его за его отца, которого уже не было на свете. Он не мог оторвать взгляд от лица старика. Дикон злобно пялился в ответ, но его ярость была какой-то заторможенной.

Грант Доу ступил вперед и положил руку на плечо дяди. С минуту он, казалось, раздумывал, не объяснить ли ему ошибку, потом раздраженно потряс головой и мягко, но настойчиво усадил дядю на стул.

– Молодец, ты, гондон, взял и расстроил его, – сказал Доу Фальку. – Вот тебе, приятель, вопрос. Ты уверен, что тебе стоит тут находиться?

Рако выудил свой полицейский значок и хлопнул им о стол.

– Могу задать тебе тот же вопрос, Грант. Ты уверен, что тебе стоит тут находиться?

Доу поднял ладони вверх, изобразив на своей роже полную невинность.

– Да не вопрос, зачем так переживать. Мы с дядей просто зашли сюда выпить, пообщаться. Он не в лучшей форме, вы и сами это видите. Мы неприятностей не ищем. Но этот вот... – тут он посмотрел прямо на Фалька. – За ним неприятности тянутся, как собачье дерьмо.

По комнате пробежал почти незаметный шепоток. Фальк знал, что та история рано или поздно всплывет. Он против воли поежился, почувствовав, что каждый взгляд в комнате направлен на него.

Туристы изнывали от жары и скуки. От комаров не было житья, а тропа вдоль реки Кайверры оказалась труднее, чем они ожидали. Троица плелась гуськом, вяло препираясь, когда им не лень было перекрикивать шум бурлящей воды. Тот, что шел вторым, выругался, с ходу налетев грудью на рюкзак ведущего группы; он весь облился водой из открытой бутылки, которую держал в руке. Бывший инвестиционный банкир, он переехал в глубинку из соображений здоровья. Теперь он проводил дни, пытаясь себя убедить, что не испытывает ненависти к каждой секунде. Ведущий группы оборвал его ворчание, подняв руку. Он указывал в мутную речную воду. Они повернулись, чтобы посмотреть.

– Что это, на хрен, такое?

– Ладно, тут нам этого не надо, спасибо, – прикрикнул бармен из-за стойки. Он поднялся на ноги и теперь стоял, опираясь на стойку кончиками пальцев. Улыбка в его оранжевой бороде отсутствовала. – Это общественное заведение. Каждый может прийти сюда выпить – ты, он, – либо так, либо до свидания.

– А третья возможность какая? – Доу желтозубо оскалился в сторону своих приятелей, и те прилежно рассмеялись.

– Третья возможность – паб для тебя закрыт. Так что выбор за тобой.

– Ага. Это ты мне вечно обещаешь, а? – Доу воззрился на бармена. Рако прочистил горло, но Доу его проигнорировал. Фальку вновь пришли на ум слова бармена: «*В этих местах силы у полицейского значка гораздо меньше, чем надо бы*».

– Проблема не в том, что он явился сюда, в бар, – заговорил Дикон, в пабе наступила мертвая тишина. – Проблема в том, что он вообще вернулся в Кайверру.

Он поднял искривленный артритом палец и уставил его Фальку между глаз.

– Запомни это и своему парню скажи. Здесь вас никто не ждет, кроме кучи народу, которые помнят, что твой сын сделал с моей дочерью.

Инвестиционный банкир изверг в кусты съеденные им ранее сэндвичи. Он, как и оба его спутника, промок насквозь, но он этого не замечал.

Тело девушки теперь лежало на тропинке; вокруг медленно растекалась лужа. Она была худенькой, но, чтобы вытащить ее на берег, понадобились объединенные усилия всех троих. Кожа у нее была неестественно белой, в рот забились осклизлая прядь волос. При виде этой

пряди, исчезающей меж бледных губ, банкира стошнило опять. Мочки ушей вокруг сережек были красные, будто ободранные. Рыбы своего не упустили. Те же следы были видны вокруг ноздрей и на кончиках пальцев, возле аккуратно покрашенных ногтей.

Она была полностью одета и выглядела очень юной без смытого водой макияжа. Ее белая футболка стала почти прозрачной и прилипла к коже; сквозь ткань просвечивал кружевной лифчик. С сапожек без каблуков до сих пор свисали плети водорослей, которые не дали ей уплыть ниже по течению. Оба сапога и все карманы ее джинсов были до отказа набиты камнями.

– ...Брехня. Я не имею никакого отношения к тому, что случилось с Элли. – Слова вырвались у Фалька помимо воли, он немедленно об этом пожалел. Он прикусил язык. *Не связываться с ними.*

– Кто говорит? – Грант Доу встал у дяди за спиной. Он давно уже больше не ухмылялся. – Кто говорит, что ты не имеешь к этому отношения? Люк Хэдлер?

При звуке этого имени в баре будто образовался вакуум.

– Штука в том, что Люка здесь нет, и вряд ли он нам еще что-то расскажет.

Самый спортивный из их компании побежал за помощью. Банкир-инвестор присел на землю рядом с лужей собственной рвоты. Он уютнее чувствовал себя здесь, в облаке едкой вони, чем рядом с этим кошмарным белым созданием. Ведущий расхаживал взад-вперед, хлюпая башимаками.

Им нетрудно было догадаться, кто она. Ее фотография уже три дня мелькала в газетах. Элеонор Дикон, шестнадцать лет. Пропала вечером в пятницу, не вернулась домой ночевать. Отец дал ей ночь, чтобы остыть, мало ли какой там подростковый бунт помешал ей вернуться домой. В субботу ее все еще не было, и он поднял тревогу.

Казалось, прошли века, прежде чем на берегу реки появились спасатели. Тело девушки было доставлено в больницу. Банкира отослали домой. Не прошло и месяца, как он вернулся обратно в город.

Доктор, обследовавший тело Элли Дикон, определил причину смерти: утопление. Ее легкие были пропитаны рекой, как губка. В воде она явно была уже несколько дней, отметил он, вероятно, с самой пятницы. Он отметил также синяки на плечах и в районе грудины, ссадины на руках и ладонях. Причиной вполне могли быть столкновения с плавником в воде. На предплечьях были уже зажившие, старые шрамы, вероятно, свидетельствующие о тяге девушки к саморазрушению.

При упоминании имени Люка по пабу пробежал ропот, и даже Доу, кажется, ощутил, что зашел чересчур далеко.

– Люк был моим другом. Элли была моим другом. – Собственный голос звенел у Фалька в ушах. – Они оба были близкими мне людьми. Так что отвали.

Дикон вскочил со стула; ножки проскрежетали по полу.

– Ты мне не смей тут болтать, будто был близок с Элли! Мне она была родная кровь! – Он орал, обвиняюще тыкая в Фалька трясущимся пальцем. Уголком глаза Фальк заметил, что Рако и бармен обменялись взглядами.

– Говоришь, вы со своим парнем не имеете к этому отношения, – кричал Дикон. – А как же записка, ты, лживый ублюдок?

Сказано это было с торжеством, будто на стол был выложен решающий козырь. Фальку казалось, будто из него выпустили весь воздух. Внезапно накатила усталость. Дикон кривил рот. Его племянник гоготал рядом с ним. Он явно почувал кровь.

– Что, на этот раз ответить нечего, да? – сказал Доу.

Фальк еле удержался, чтобы не покачать головой. Та чертова записка.

Копы провели два часа, разбирая на части комнату Элли. Толстые пальцы неуклюже шарили в ящиках с нижним бельем и в шкатулках с украшениями. Записку едва не пропустили. Едва. Это был листок, выданный из самой обычной школьной тетради и сложенный пополам. Лежал в заднем кармане джинсов. На листке аккуратным почерком Элли была выведена дата, день, когда она исчезла. Под датой стояло единственное слово: «Фальк».

– Давай, объясни это. Если можешь, – сказал Дикон. В баре стало очень тихо. Фальк ничего не ответил. Сказать ему было нечего. И Дикон об этом знал. Бармен с силой стукнул стаканом по стойке.

– Достаточно. – Он жестко глянул на Фалька, взвешивая решение. Рако, который держал в ладони полицейский значок так, чтобы он был виден, поднял брови и едва заметно покачал головой.

– Ты и твой дядя – уходите. И еще два дня не возвращайтесь, спасибо. Все остальные – покупайте выпивку или убирайтесь.

Слухи начались с малого, но к концу дня подросли и выпустили когти. Фальк – шестнадцати лет, испуганный до икоты, – забился к себе в комнату, истязаемый собственным воображением. Когда раздался стук в окно, он так и подскочил. Снаружи показалось лицо Люка, мертвенно-бледное в призрачном вечернем свете.

– Ты в дерьме, приятель, – прошептал он. – Я слышал – мама с папой об этом говорили. Люди болтают. Где ты был в пятницу после уроков, только честно?

– Я же сказал тебе. Рыбу удил. Но вверх по реке. За несколько миль оттуда, клянусь. – Фальк скорчился у окна. Вставать ему не хотелось – боялся, что ноги не выдержат.

– Тебя кто-то уже расспрашивал? Копы или еще кто?

– Нет, но они собираются. Они думают, мы с ней виделись или еще что.

– Но ты ее не видел.

– Нет! Конечно, нет. Но вдруг они мне не поверят?

– Ты точно ни с кем не встречался? Никто тебя не видал?

– Черт, я же один был, я же сказал!

– Ладно, слушай, Аарон, дружище, ты слушаешь? Ну, если кто будет спрашивать, мы с тобой кроликов стреляли вместе. На дальних полях.

– Совсем в другой стороне от реки.

– Да. Поля у Куран-роуд. Совсем в другой стороне. Весь вечер. ОК? Дурью маялись. Как обычно. Подбили одного или двух. Двух. Скажи, двух.

– Да, ОК. Двух.

– Не забудь. Мы вместе были.

– Да. То есть нет. Я не забуду. Господи, Элли. Я не могу...

– Скажи это.

– Что?

- Скажи сейчас. Что ты делал. Потренируйся.
- Мы с Люком стреляли кроликов. Вместе. В полях у Куран-роуд.
- Повторяй, пока не будет звучать естественно. И не перепутай ничего.
- Не перепутаю.
- Все запомнил, да?
- Да. Люк, дружище. Спасибо. Спасибо тебе.

Глава восьмая

Когда Аарону Фальку было одиннадцать, ему, в компании Люка и Элли, довелось видеть, как Мэл Дикон превращает свою отару в дрожащую, окровавленную массу при помощи стригальных ножниц и ненужной жестокости.

Испытывая почти физическую боль, Аарон наблюдал, как овец одну за другой с размаху швыряют на пол сарая и срезают шерсть – слишком близко к коже.

Аарон был деревенским ребенком, как и все они, но это было уже чересчур. Услышав жалостный крик, вырвавшийся у особенно маленькой ярочки, он открыл рот и уже набрал в грудь воздуха, но осекся: Элли потянула его за рукав. Посмотрев ему прямо в глаза, она чуть качнула головой.

В этом возрасте она была худеньким и очень серьезным ребенком, подверженным долгим приступам молчания. Аарон, которого тоже сложно было назвать болтуном, не возражал. Разговоры они, как правило, оставляли Люку.

Они сидели втроем на покосившемся крыльце, и Элли едва подняла голову, когда ветер донес до них отзвуки происходившего в сарае. Аарону стало любопытно, но именно Люк настоял на том, чтобы они бросили уроки и отправились на расследование. Теперь в ушах у него все еще звенели стоны ярка. У Элли на лице застыло совершенно не знакомое ему выражение. И Аарону было ясно, что не он один жалел о том, что они все-таки пошли.

Они уже повернулись, чтобы уходить, и тут Аарон подскочил, увидев мать Элли, которая молча наблюдала за происходящим от дверей сарая. Она стояла, привалившись к раме; на ней был мешковатый коричневый свитер с жирным пятном на груди. Не отрывая глаз от происходившего в сарае, она медленно отпила из стакана с янтарной жидкостью, который держала в руке. Черты лица у них с дочерью были похожи: те же глубоко посаженные глаза, бледная кожа и широкий рот. Но Аарону казалось, что мать Элли выглядит лет на сто. Прошли годы, прежде чем он осознал, что ей в тот день не было еще сорока.

Он увидел, как мама Элли закрыла глаза и резко запрокинула голову. Поморщилась, сделала глубокий вдох. Она вновь открыла глаза, глядя на мужа с чувством настолько сильным, что Аарон страшно испугался – вот сейчас Дикон повернется и тоже заметит. Сожаление, вот что это было.

Погода тем летом стояла такая, что работы у всех прибавилось, и спустя месяц племянник Дикона Грант переехал к ним на ферму, чтобы помочь. Мать Элли уехала спустя два дня после этого. Может, это стало для нее последней соломинкой. Трудно ненавидеть двух мужчин одновременно.

Забросив в машину пару чемоданов и брэнчащую сумку с бутылками, она сделала вялую попытку успокоить плачущую Элли пустыми обещаниями, уверяя, что скоро вернется. Фальк до сих пор гадал, сколько лет прошло, прежде чем Элли перестала им верить. Может быть, какая-то ее часть продолжала верить до того самого дня, когда она умерла.

* * *

Фальк с Рако стояли на крыльце «Флиса»; сержант закурил сигарету. Он протянул пачку Фальку, но тот покачал головой. На сегодня визитов в прошлое ему было достаточно.

– Правильное решение, – сказал Рако. – Я вот тоже пытаюсь бросить. Из-за ребенка.

– Да. Это ты молодец.

Рако неторопливо курил, пуская дым в душное ночное небо. Шум в пабе чуть усилился. Дикон и Доу уходить не торопились, атмосфера в пабе до сих пор отдавала агрессией.

– Надо было сказать мне раньше, – сказал Рако, затягиваясь.

– Знаю. Виноват.

– Ты имеешь к этому какое-то отношение? К смерти девочки?

– Нет. Но меня не было с Люком, когда это случилось. Хотя утверждали мы обратное.

Рако помолчал.

– Так вы солгали насчет алиби. Где был Люк?

– Не знаю.

– Никогда не спрашивал?

– Спрашивал, конечно, но он... – Фальк помолчал, припоминая: – Он всегда настаивал на том, чтобы мы придерживались нашей версии событий. Всегда. Даже когда мы были только вдвоем. Он говорил, показания менять нельзя никогда, так безопаснее. И я не давил на него. Я был ему благодарен, понимаешь? Думал, это все ради меня.

– Кто еще знал, что это была неправда?

– Кое-кто подозревал. Мэл Дикон – ну, это очевидно. Но никто не знал наверняка. По крайней мере, так я всегда думал. Но теперь я не так уж уверен. Оказывается, Джерри Хэдлер знал всю дорогу. Может, не он один.

– Ты думаешь, Элли убил Люк?

– Не знаю. – Он глядел на пустую улицу. – Но хочу знать.

– Думаешь, это все как-то связано?

– Очень надеюсь, что нет.

Рако вздохнул. Он тщательно затушил сигарету, потом плеснул на бычок остатками пива.

– Ладно, приятель, – сказал он. – За секрет свой можешь не беспокоиться. По крайней мере, пока. Если не понадобится. А если понадобится, ты будешь петь как птичка, а мне об этом ничего заранее известно не было. Договорились?

– Да. Спасибо.

– Давай встретимся в участке завтра утром, в девять. Сходим, поболтаем с этим приятелем Люка, Джейми Салливаном. С человеком, который, по его же признанию, видел Люка последним. – Он взглянул на Фалька. – Если ты все еще будешь в городе.

Помахав на прощанье, он скрылся в ночи.

Вернувшись к себе, Фальк прилег на кровать и достал телефон. Взял в руку, но звонить никуда не стал. Тарантул исчез со своего места над лампой. Фальк старался не задумываться о том, где он находится сейчас.

«Если ты все еще будешь в городе», – сказал Рако. Фальк и так прекрасно понимал, что стоит перед выбором. Его машина была припаркована снаружи. Он мог собрать сумку, заплатить бородатому бармену и через пятнадцать минут быть уже в пути на Мельбурн.

Рако, наверное, закатит глаза, и Джерри будет до него дозваниваться. Но что они могут сделать? Рады они не будут, ну, с этим жить можно. Но вот Барб – тут Фальку чересчур ясно представилось ее лицо, – будет страшно разочарована. А вот можно ли будет жить с этим, не совсем ясно. При этой мысли Фальку сделалось неуютно. В номере стояла страшная духота.

Своей матери он никогда не знал. Она умерла в луже собственной крови меньше чем через час после того, как он родился. Его отец пытался – старался изо всех сил – восполнить образовавшуюся пустоту. Но каждое ощущение, связанное в его памяти с материнской нежностью, – каждый теплый, только из духовки, пирог, каждое благоухающее духами объятие, – все это исходило от Барб Хэдлер. Может, она и была матерью Люка, но для него у нее всегда находилось время.

Они с Элли и Люком проводили в доме Хэдлеров больше времени, чем в чьем-либо еще. Собственный дом Фалька всегда был тих и пуст: посева и скот постоянно требовали внимания, и отец часами пропадал в полях. На предложения пойти домой к Элли она только

трясла головой. *«Не сегодня»*, – отвечала она. Когда они с Люком настаивали, ради разнообразия, на своем, Фальк потом всегда об этом жалел. На ферме у Элли всегда царил беспорядок и пахло пустыми бутылками.

В доме у Хэдлеров всегда было тепло и уютно, и никто не сидел без дела. Здесь кормили вкусной и здоровой едой и давали четкие инструкции насчет уроков, и когда ложиться спать, и не пора ли уже им выключить этот чертов телевизор и отправиться погулять. Ферма Хэдлеров всегда была раем – до того дня, когда она стала местом преступления настолько кошмарного, что оно не укладывалось в голове.

Фальк неподвижно лежал на кровати. Пятнадцать минут уже прошло. Сейчас он мог бы быть уже в дороге. Вместо этого он все еще был здесь.

Он вздохнул и повернулся на бок; пальцы нерешительно зависли над кнопками телефона: он раздумывал, кого ему нужно известить. Он представил себе свою квартиру на Сент-Килде, темную, с запертой накрепко дверью. Места достаточно для двоих, но последние три года он жил там один. Никто больше его там не ждет. С еще влажными после душа волосами, с дышащей на кухонной стойке бутылочкой красного, под хорошую музыку. Никто не побежит к телефону, чтобы узнать: он задержится еще на несколько дней. Никому не интересно, зачем.

По большей части его это устраивало. Но в эту минуту, лежа в номере над пабом в Кайверре, он хотел одного: чтобы его дом больше напоминал жилище Барб и Джерри Хэдлеров, а не тот, что был у его отца.

В понедельник ему нужно было на работу, но там знали, что он уехал на похороны. На чьи именно, он не уточнил. Он знал, что может остаться. Спокойно взять несколько дней. Ради Барб, ради Элли. Да и ради Люка. Еще с дела Пеберли он накопил столько часов переработок – да и хорошей репутации, – что в жизни не использовать. Нынешнее расследование, которое он вел, было, мягко говоря, вялотекущим.

Пока Фальк так и сяк поворачивал эти мысли в мозгу, прошло еще пятнадцать минут. Наконец он взял телефон и оставил многострадальной секретарше отдела сообщение, что берет недельный отпуск по личной надобности. Начиная с этого момента.

Трудно сказать, кого из них это больше удивило.

Глава девятая

Джейми Салливан уже четыре часа был по уши в работе, когда Фальк и Рако нашли его в полях. Он стоял на коленях, руки по локоть в сухой пыли, и проверял почву с дотошностью ученого.

– Предлагаю пойти в дом, – сказал он, когда Рако сообщил ему, что у них есть вопросы насчет Люка. – Мне в любом случае надо бы проверить, как там Ба.

Пока они шли к приземистому строению из кирпича, Фальк разглядывал Салливана. Под тридцать, волосы цвета соломы уже начали редеть на макушке. Ноги и торс у него были жилистые, но руки мощные, отчего фигурой он напоминал перевернутый треугольник.

Они зашли в дом, и Салливан провел их сквозь заставленные всяким хламом прихожую и коридор. Фальк снял шляпу и теперь старался не подавать виду, насколько он поражен окружающей обстановкой. Следовавший за ним Рако тихонько выругался, налетев на табурет, затаившийся в засаде около входной двери. В коридоре царил хаос. Абсолютно все поверхности были заставлены разными фигурками, памятными вещицами и прочими пылесборниками. Где-то в глубине дома орал телевизор.

– Это все Ба, – ответил Салливан на не высказанный ими обоими вопрос. – Она их любит, и они помогают ей держаться... – он помедлил, подыскивая слова, – в реальности.

Он привел их на кухню, где у раковины стояла похожая на птичку женщина. В трясущихся, перевитых синими венами руках она держала наполненный чайник. Ей это явно было почти не под силу.

– Все в порядке, Ба? Хочешь чайку? Давай-ка я. – Салливан поспешно забрал у нее чайник.

Кухня была чистенькой, но очень захлавленной, а над плитой стену украшало огромное горелое пятно. Краска пошла пузырями и местами облупилась, как уродливая серая рана. Миссис Салливан поглядела на них троих, потом обратно на дверь.

– А когда твой папа домой придет?

– Он не придет, Ба, – сказал Салливан. – Он умер, помнишь? Уже три года как.

– Да. Я знаю. – Трудно было сказать, удивила ее эта новость или нет. Салливан поглядел на Фалька и кивнул на дверь.

– Можете ее отвести? Я сейчас.

Старая женщина оперлась на руку Фалька, и, казалось, он мог почувствовать каждую косточку в ее сухонькой ручке.

После залитой солнцем кухни гостиная вызывала легкую клаустрофобию; на каждой поверхности полупустые чашки сражались за драгоценные квадратные сантиметры с пустоглазыми фарфоровыми фигурками. Фальк подвел старушку к вытертому креслу, стоявшему у окна.

Миссис Салливан с трудом опустила в кресло и нетерпеливо вздохнула.

– Вы, полицейские, пришли из-за Люка Хэдлера, верно? А вот это трогать не нужно! – прикрикнула она на Рако, который было собрался снять со стула стопку помятых газет. Гласные она выводила тягуче, с легким ирландским акцентом. – И не надо на меня так смотреть. Я пока еще не полностью выжила из ума. Этот мальчик, Люк, был здесь, у нас, а потом уехал и прикончил свою семью, верно? Зачем еще вам сюда приходите? Если только наш Джейми чего-нибудь не натворил.

Смех у нее был скрипучий, как ржавые ворота.

– Да насколько мы знаем, ничего, – сказал Фальк, обменявшись взглядами с Рако. – Вы хорошо знали Люка?

– Совсем не знала. Кроме того, что наш Джейми с ним дружил. Заходил время от времени. Помогал Джейми с фермой.

Вошел Салливан с чайным подносом в руках. Не обращая внимания на протесты бабушки, он расчистил место на буфете и помахал Фальку и Рако, приглашая их сесть на потрепанный диван.

– Извините за беспорядок, – сказал Салливан, вручая каждому по чашке. Непросто становится... – тут он глянул в сторону бабушки и переключил внимание на заварочный чайник. Фальк заметил синяки у него под глазами, из-за чего он казался старше своих лет. Но в его манере держаться, в том, как он действовал в сложившейся ситуации, как управлялся с мелочами, сквозила уверенность. Фальк легко мог представить его вдали от всего этого, при галстук, в каком-нибудь офисе в большом городе. С шестизначным годовым заработком, из которого половину он будет выбрасывать на хорошие вина.

Салливан, покончив с раздачей чашек, подтянул себе дешевый деревянный стул.

– Так что вы хотите знать?

– Так, пытаемся разобраться с парой неувязок, – сказал Рако.

– Ради Хэдлеров, – добавил Фальк.

– Да, конечно. Без проблем. Если это ради Барб и Джерри, – сказал Салливан. – Но слушайте, первое, что я хочу сказать, – и копам из Клайда я сказал то же самое, – если бы я знал, что Люк вот-вот сорвется и сделает то, что он сделал, я бы никогда не позволил ему уехать. Хочу, чтобы это было ясно с самого начала.

Он опустил взгляд, вертя кружку в руках.

– Да, конечно, дружище, никто не говорит, что ты мог предотвратить то, что случилось, – сказал Рако. – Но если бы мы могли еще раз пройтись по тому дню, это было бы очень полезно. Просто хотелось услышать все самим, из первых рук. На всякий случай.

Кролики, рассказал им Салливан, вот в чем был корень зла. По крайней мере, один из этих корней. С засухой и так было достаточно проблем, а тут еще эти сжирают все, что только можно сожрать. Как раз накануне того дня он сетовал на кроликов во «Флисе», и Люк предложил ему подсобить.

– Кто-нибудь слышал, как вы договаривались? – спросил Фальк.

– Наверное. Точно я не помню. Но народу было полно. Любой мог услышать, обрати он внимание.

Люк Хэдлер припарковал свой пикап у въезда на поле и вышел из машины. Он приехал на пять минут раньше, но Джейми Салливан был уже здесь. Они помахали друг другу. Люк достал из кузова свое ружье и взял протянутые Салливаном патроны.

– Пошли, надерем задницы этим твоим грызунам, – сказал, сверкнув зубами, Люк.

– Так патроны были твои? – спросил Рако. – Какая марка?

– «Винчестер». А что?

Рако поймал взгляд Фалька. Значит, с «ремингтоном» им опять не повезло.

– А Люк с собой патроны не брал?

– Не думаю. Мои кролики – мои пули, это только справедливо. А что такое?

– Просто проверить хотел. И как тебе показался Люк?

– Правда, не знаю. Я с тех пор много раз уже это в голове прокручивал. Но, думаю, могу сказать, что с виду у него все было порядке. Все как обычно. – Салливан на минуту задумался. – По крайней мере, пока он не уехал.

Первые несколько раз Люк промазал, и Салливан покосился в его сторону. Люк прикусил палец. Салливан ничего не сказал. Люк выстрелил опять. Промахнулся.

– Все в порядке, дружище? – спросил Салливан неохотно. Сокровенные проблемы Салливан обсуждал с Люком примерно так же часто, как и со всеми остальными своими друзьями, то есть практически никогда. С другой стороны, не мог же он потратить на кроликов весь день. Солнце сверлило им спины.

– Нормально, – отозвался рассеянно Люк. – А у тебя как?

– Да то же самое, – Салливан поколебался. Разговор на этом спокойно можно было прекратить. Люк выстрелил и промахнулся опять. Салливан решил сделать шаг навстречу со своей стороны.

– Бабушка что-то сдала в последнее время, – сказал он. – Такое иногда вытворяет, глаз да глаз.

– Сама-то в порядке? – спросил Люк, не отрывая глаз от прицела.

– Да-а. Просто иногда уследить за ней нелегко.

Люк неопределенно кивнул, и до Салливана дошло, что слушал тот только наполовину.

– Чертовы бабы, – сказал Люк. – Твоя, по крайней мере, не может больше носиться повсюду и совать свой нос бог знает куда.

Салливан, который никогда в жизни не задумывался о бабушке как о «бабе», не сразу нашелся что ответить.

– Нет. Наверное, больше не носится, – сказал он. У него было ощущение, что они забрели на неизведанную территорию. – С Карен все ОК?

– А. Да. Без проблем. – Люк навел ружье, нажал на курок. В этот раз удачнее. – Ну, ты понимаешь. Карен есть Карен. Вечно что-нибудь да происходит.

Он набрал воздуха в грудь, будто собрался что-то сказать, но так и промолчал. Передумал.

Салливан поежился. Определенно, неизведанная территория.

– Ну да.

Он попытался придумать, что бы еще сказать, но в голове было пусто. Он глянул на Люка, который, опустив ружье, тоже смотрел на него. На секунду их глаза встретились. В воздухе повисла явная неловкость. Оба поспешно повернулись в сторону кроличьей норы.

– ...Вечно что-нибудь происходит? – переспросил Рако. – Что он имел в виду?

Салливан с несчастным видом глядел на стол.

– Не знаю. Я не спросил. Нужно было спросить, да?

«Да», – подумал Фальк.

– Нет, – сказал он вслух. – Вряд ли бы это на что-то повлияло.

Он не знал, правда это или нет.

– Люк еще что-нибудь говорил про это?

Салливан покачал головой.

– Нет. Мы после этого про погоду заговорили. Как обычно.

Час спустя Люк потянулся.

– Думаю, их немного поубавилось. – Он глянул на часы. – Мне пора двигать.

Он отдал Салливану неиспользованные патроны. Они вместе дошли до пикапа; все напряжение куда-то испарилось.

– Может, по пиву? – Салливан, сняв шляпу, утер лоб рукавом.

– Нет, мне домой пора. Дела, понимаешь.

– Да. Спасибо тебе за помощь.

– Да пустяки, – Люк пожал плечами. – Я, по крайней мере, руку немного набил.

Он положил ружье в ноги пассажирского сиденья и забрался в машину. Теперь, когда решение было принято, он явно спешил. Уже выезжая на дорогу, он опустил окно и помахал на прощание.

Салливан стоял один посреди пустого поля и смотрел, как серебристый пикап исчезает из виду.

Они молча размышляли над услышанным. От окна донеслось дребезжание: миссис Салливан нетвердой рукой поставила чашку на стопку романов. Миссис Салливан смерила чашку недобрым взглядом.

– А что случилось потом? – спросил Рако.

– Через какое-то время позвонили полицейские из Клайда, они искали Люка, – сказал Салливан. – Я сказал им, что он уехал пару часов назад. Но после этого и пяти минут не прошло, как новости были повсюду.

– Во сколько это было?

– Около шести тридцати, наверное.

– Вы были здесь?

– Да.

– А до этого, когда Люк уехал, вы чем занимались?

– Ничем. Работал. Здесь, на ферме, – сказал Салливан. – Я закончил на поле. Поужинал с Ба.

Фальк сморгнул, уловив краем глаза легкое движение.

– Вы тут только вдвоем были? – Фальк говорил непринужденным тоном. – Вы куда не уезжали? И никто не заходил?

– Нет. Только мы вдвоем.

Движение было почти незаметным, но, когда Фальк думал об этом позже, он все так же был уверен в том, что видел. Самым краешком глаза он заметил, как миссис Салливан удивленно вскинула свои выцветшие глаза. Каких-то полсекунды она смотрела на внука, прежде чем вновь опустить взгляд. Фальк пристально за ней наблюдал, но больше она глаз не поднимала. Ни разу. Весь остаток их визита она, казалось, крепко спала.

Глава десятая

– Ну, скажу я тебе, я на его месте давно бы уже на стенку полез. – Рако, сидевший за рулем, поежился. За окном тянулась проволочная изгородь, за которой был высохший желтый кустарник; еще дальше, до горизонта, шли бежевые и бурые поля. – Живешь у черта на рогах, и никого, кроме бабули, в качестве компании. Этот дом похож на какой-то дурацкий музей.

– Что, не любитель фарфоровых херувимчиков? – спросил Фальк.

– Дружище, моя бабушка – католичка похлеще Папы Римского. Я на всяких религиозных финтифлюшках собаку съел, – ответил Рако. – Просто трудно назвать это жизнью, в его-то возрасте.

Они проехали мимо придорожного пожарного знака. С тех пор как Фальк приехал, уровень пожароопасности возрос до «серьезного». Стрелка на знаке сурово указывала на оранжевый сегмент полукруга. Готовься. Действуй. Спасайся.

– Как думаешь, он правду говорил? – Тут Фальк рассказал, как бабушка Салливана отреагировала на заявление внука, будто он в тот вечер был дома.

– Это любопытно. Но у нее же крыша немного поехала, верно? И божьим одуванчиком ее никак не назовешь. В рапорте нет ни слова о том, что Салливан мог быть где-то, кроме как на ферме, но это еще ничего не значит. Скорее всего, его просто недостаточно тщательно проверяли, если проверяли вообще.

– Дело в чем, – сказал Фальк, возясь с настройками кондиционера на передней панели. – Если бы Салливан захотел убить Люка, ему это было бы проще простого. Вокруг – никого; они были одни на протяжении часа или больше, с оружием в руках. Убийство с последующей инсценировкой тут практически напрашивалось. Да его Ба могла бы все это провернуть, окажись она поблизости.

Фальк, потеряв веру в кондиционер, чуть приоткрыл окошко; в салон ударила кипящая струя воздуха. Он поскорее поднял стекло опять.

Рако рассмеялся.

– А я-то думал, это в Аделаиде – жара.

– А, так ты оттуда? И каким ветром тебя сюда занесло?

– Предложили сержанта. Я подумал, это хорошая возможность – самому возглавить участок; да я и сам – парень из глубинки. А ты всегда работал в Мельбурне?

– В общем, да. Основное место работы всегда было там.

– И как, тебе нравится заниматься всеми этими финансами?

Фальк усмехнулся про себя тону, каким это было сказано. Очень вежливо, но Рако явно недоумевал, как по доброй воле можно избрать подобную карьеру. Это было ему знакомо. Многие очень бы удивились, узнай они, сколько банкнот, проходивших через его руки, было запятнано кровью.

– Мне это подходит, – ответил он. – Кстати говоря, я тут прошлым вечером начал разбирать финансовые бумаги Хэдлеров.

– Что-нибудь интересное?

– Пока нет. – Фальк подавил зевок. Вчера он засиделся допоздна, вглядываясь в колонки цифр в тусклом свете висевшей под потолком лампы. – Что само по себе говорит о многом. Ферма переживала нелегкие времена, это вполне очевидно, но я не вижу, чтобы дела у них шли хуже, чем у кого бы то ни было в округе. Они, по крайней мере, пытались планировать заранее. Откладывали понемногу в хорошие времена. Что касается страховки – ничего особенного. Помимо будущей пенсии – только на самое необходимое.

– И кто это получит?

– Шарлот, через родителей Люка. Но там не разгуляешься. Вероятно, покроет ссуду на покупку фермы, и больше практически ничего. Так что ферму она получит, нравится ей это или нет. А так – ничего подозрительного, ни лишних счетов, ни долгов третьим лицам, ничего такого. Я еще продолжу копать.

Главное, что Фальк уяснил благодаря своим изысканиям, – что Карен Хэдлер была опытным и дотошным счетоводом. Следуя ее аккуратным выкладкам, вчитываясь в пометки, сделанные отточенным карандашом, он вдруг ощутил некое родство душ.

Подъехав к пустынному перекрестку, Рако притормозил и посмотрел на часы.

– Итого – семь минут.

Они ехали по маршруту Люка от фермы Салливана. Рако повернул влево, на дорогу, ведущую к дому Хэдлеров. Дорога была заасфальтирована, но в плохом состоянии. Асфальт повело от жары, и в покрытии зияли глубокие трещины. Технически это была двухрядная дорога, но ширины, чтобы разъехаться, хватило бы едва-едва. Появись встречная машина, попробовал представить себе Фальк, и кому-то из них пришлось бы по-соседски нырнуть в кусты на обочине. Но возможности проверить так и не представилось. За всю дорогу им не встретилось ни единого автомобиля.

– Почти четырнадцать минут, от порога до порога, – произнес Фальк, когда они подъехали к дому Хэдлеров. – Ну ладно. Давай теперь посмотрим, где было обнаружено тело Люка.

Это едва можно было назвать поляной.

Рако умудрился было проехать мимо, и, потихоньку выругавшись, резко затормозил. Преодолевав несколько метров задним ходом и съехал на обочину. Они вышли, даже не заперев машину. Вокруг не было никого. Рако первым направился к прогалу в ровной линии деревьев.

– Это здесь.

Повисла зловещая тишина: птицы, заслышав его голос, на мгновение примолкли. Фальк стоял в центре поляны. Здесь было на какую-то толику прохладнее: со всех сторон полянку обступили белоствольные эвкалипты-призраки. Дорогу было совершенно не видно за густыми зарослями. Желтоватая почва спеклась в твердую, как камень, корку. Ни следов, ни отпечатков шин.

Прямо под ногами Фалька, в центре полянки, был рассыпан песок. Он вдруг понял почему и поскорее отступил. Совсем недавно здесь топтались десятки ног, но теперь место выглядело совершенно заброшенным.

– Не слишком веселая обстановка для последних мгновений жизни, – сказал Фальк. – Это место что-то значило для Люка?

Рако пожал плечами.

– Я надеялся, может, у тебя будут какие-то идеи на этот счет.

Фальк порылся в памяти, перебирая походы с палатками и другие мальчишеские впечатления. В голову ничего не приходило.

– Он точно погиб здесь? В кузове пикапа? – Спросил Фальк. – Нет никаких шансов на то, что это произошло где-то еще, а потом его привезли сюда?

– Нет, никаких. Иначе кровь растеклась бы совершенно по-другому.

Фальк постарался мысленно распределить события во времени. Люк уезжает от Салливана около 4:30 вечера. Его пикап появляется в поле зрения камеры на ферме Хэдлеров примерно полчаса спустя. Гораздо дольше, чем потребовалось им, чтобы преодолеть то же самое расстояние. Два выстрела, четыре минуты, и пикап снова уезжает.

– Все выглядит достаточно просто, если это стрелял Люк, – сказал Фальк. – Приехал к дому, выбрав почему-то круглую дорогу, убил их, потом отправился сюда.

– Да уж. Все гораздо сложнее, если это был кто-то другой, – отозвался Рако. – Убийца должен был попасть в пикап в какой-то момент после того, как тот уехал от Салливана, потому что оружие убийства было при Люке. Так кто вел машину по дороге на ферму?

– И если за рулем был не Люк, то где, черт возьми, он был, пока убивали его жену и ребенка? Сидел в машине и наблюдал?

Рако пожал плечами.

– Может, так оно и было? То есть это вполне вероятный сценарий. В зависимости от того, кто был тот второй человек и какого рода власть у него была над Люком.

Они посмотрели друг на друга, и Фальку стало ясно, что Рако тоже думает о Салливане.

– Или убийца мог его одолеть физически, – добавил Рако. – Не без труда, наверное, но нет ничего невозможного, если ты в хорошей форме. Ты видел, какие у Салливана руки. Будто в чулок орехов напихали.

Фальк кивнул, вызвав в памяти рапорт с описанием тела. Люк был крепкий парень. Совершенно здоровый, если не считать огнестрельного ранения. На руках ни царапины, ни следа борьбы. Ни ссадин, указывающих на то, что он мог быть связан. Он представил себе тело Люка, лежащее на спине в кузове пикапа. Лужу крови, растекшуюся вокруг, и четыре непонятные полосы на внутренней стороне борта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.